

Мы будем утешены! Исход от Ислама к Православию

Содержание

Пролог
Детство
Предчувствие ада
Встреча с исламом
Встреча с Евангелием
Встреча с пятидесятниками
Элои, Элои! ламма савахфани?
Встреча с Православной Церковью в Греции
Снова в Норвегию
В монастыре св. Екатерины на Синае
В Грецию, креститься
Предчувствие Царствия
В монастыре св. Ефрема под Афинами
Мое крещение
Эпилог

Пролог

...Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного (Мф. 5:14–17).

Я всегда Тебя любил! Иногда больше, иногда меньше, иногда со всем напряжением душевных сил, иногда – нет, иногда мучительно, иногда радостно, порой безумно, порой спокойно, но любил всегда, с тех самых пор, как Тебя узнал.

Помнишь, как билось у меня сердце, когда я встречал Твое имя в персидских стихах? Хафиз¹ и Руми упоминают о множестве людей, но лишь при Твоем дивном Имени, Иисусе, душа моя трепетала от неведомой радости. Пусть тогда я не знал Тебя умом, пусть кривое зеркало исламской мистической литературы изображало Тебя обычным человеком, мое сердце различило в Тебе красоту, много выше человеческой. Было ли то наитие Святого Духа, или Твой образ во мне, поврежденный, но не уничтоженный, узнал свой прообраз, когда я увидел Твое благодатное имя? Или, может быть, сердце, намного опередив разум, узнало в Тебе своего Создателя? Знаю только, что я ликовал, видя Твое благословенное имя.

Помнишь, в 1984 году, через пять лет после Исламской революции, я, тогда еще подросток, встречался с другом на площади Фирдоуси в Тегеране? Я пришел слишком рано и чтобы убить время, решил посидеть в кино и посмотреть фильм – все равно какой. Этим фильмом оказался «Иисус, сын Марии» – урезанная цензурой версия «Иисуса из Назарета» Франко Дзеффирелли! Помнишь, как я позабыл про весь мир, поглощенный Тобой, несмотря на то, что власти сознательно изуродовали эту ленту? Помнишь, как там, в Иране, я хотел пойти в церковь, и каким духовным огнем зажигалось мое сердце при виде Твоего храма? Помнишь, как в 1989 я впервые осмелился переступить порог церкви

¹ Хафиз, настоящее имя Шамседдин Мохаммед (1325–1389/90) – персидский поэт. В его лирике преобладают традиционные темы вины, любви, мистического озарения, славословия, жалобы на бренность и непознаваемость мира. Хафиз широко использовал образы и термины суфийской поэзии.

– католической, в центре Карачи – и как разочаровался, не найдя Тебя там? Я не знал, что Ты в своей безграничной любви хранишь меня для той благодати, которую дает истинно Твоя, Православная Церковь.

С тех пор прошло много лет. Теперь я крещен в Твоей святой Церкви. Я молюсь Тебе: «Господи, сохрани и умножь любовь, что была между нами всегда, ту любовь, которую Ты явил, когда я крестился в Греции. Укрепи мой разум в той личной любви, которая установилась между нами в святом крещении. И пусть она все возрастает, пусть полностью поглотит меня, ибо лишь так я смогу исполнить Твои заповеди и служить Тебе, как должно. Только движимый всепоглощающей личной любовью, я смогу отвергнуть себя ради Тебя. Итак, соблюди меня в пламени Твоей любви, Господи Иисусе, Твоею благодатью, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Через три года после моего крещения, в Рождественский пост 2001 года, я почувствовал, что моя история обращения, история, отмеченная удивительными чудесами, которые Человеколюбивый Господь явил, чтобы спасти одного из Своих чад, принадлежит не мне одному, и я должен записать ее для других.

Я вырос в мусульманском обществе и получил исламское воспитание. Господь так возлюбил меня, что положил начало моему спасению. Он привел меня в Обетованную Землю христианства через пустыню духовных томлений и мук. Много раз после крещения я хотел записать эту историю, но всякий раз задача казалась непосильной. Я не знал, с чего начать, что именно и как описывать, и мне никак не удавалось это сделать. Вдохновение пришло, когда я читал книгу «О молитве» современного русского православного подвижника Софрония (преставился в 1993 году). Отец ли Софроний подвиг меня в Святом Духе на этот труд, или мое собственное христианское рвение? Точно не знаю. Знаю только, что на этот раз почувствовал непреодолимое желание писать. Стоило начать, и все пошло на удивление легко. Надеюсь и верю, что мое вдохновение – от Бога, и что этот труд поможет кому-то из «нищих духом», «плачущих», «алчущих и жаждущих правды» (Мф. 5:3–7).

Осенью 2002 года я получил письмо от человека, которого тогда не знал, Юрия Максимова из одного богословского института в России. Он спрашивал, не могу ли я написать статью о своем обращении для книги о людях, перешедших в православие. Я спросил его, от Бога ли его поиски или от собственного усердия, и он ответил, что хочет послужить Церкви и верующим. Я попросил дать мне время на раздумья, потому что не знал, чего хочет Господь, и собирался, если будет Его воля, издать свою книгу в англоязычной стране.

Прошло время, и я почти забыл о Юрии. Много месяцев спустя, 11 мая 2003 года, во второе воскресенье после православной Пасхи, я молился, чтобы Господь показал мне, что делать с рукописью. На следующий день я получил от Юрия письмо с житием святого Серапиона Кожеозерского, татарина, ставшего православным христианином. Я поблагодарил Юрия за письмо и спросил, заинтересует ли его моя история, если она будет изложена в виде книги. Юрий ответил положительно и сказал, что такая книга очень нужна в России.

Мне еще предстояло посоветоваться со своим духовным отцом и получить его благословение, однако окончательно убедили меня слова св. Иоанна Кронштадтского, который писал: «Не должно ни у кого и спрашивать, нужно ли распространять славу Божию пишущею рукою или словесно, или добрыми делами. Это мы обязаны делать по мере сил своих и возможности. Таланты надо употреблять в дело. Коли будешь задумываться об этом простом деле, то дьявол, пожалуй, внушит тебе нелепость, что тебе надо иметь только внутреннее делание» ссылаясь («Моя жизнь во Христе»). Так я решил передать рукопись моим русским братьям во Христе для публикации.

Отче наш,

Иже еси на небесех!

Да святится имя Твое,

Да приидет Царствие Твое,
Да будет воля Твоя,
Яко на небеси, и на земли.
Хлеб наш насущный
Дажь нам днесь
И остави нам долги наша,
Якоже и мы оставляем должником нашим;
И не введи нас во искушение,
Но избави нас от лукавого.
Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.
Май 2003,
Хризостом (Хуссейн) Селахварзи

Детство

Я отчетливо помню детство, начиная с трех лет. Первое мое воспоминание – о том, как родился младший брат. Я прекрасно помню дом и район, в котором мы тогда жили. Дом был большой и старый, в нем ютилось много семей. На каждую семью приходилось по две-три комнаты. В одной из них мама рожала и кричала от боли. Я стоял рядом со старшей сестрой, и она утешала меня, говоря, что с мамой ничего дурного не происходит, а ее крики означают, что у нас будет радость. Она сказала, что скоро у меня родится братик, и поэтому мама кричит.

Лет в пять-шесть меня охватило сильнейшее влечение к звездам, влечение, сохранившееся по сию пору. Всю жизнь я очень любил смотреть в небеса. По ночам, когда небосвод был чистым и сиял звездами, я забывал все на свете, растворяясь в небесном величии. Чем больше я смотрел, тем больше им пленялся. Моя страсть к звездам никогда не насыщалась. Небо и сияющие звезды всегда меня завораживали. Теплыми летними ночами в Персии мы спали на крыше. Лежа с открытыми глазами, я погружался в созерцание галактики и мерцающих звезд. Я смотрел на звезды, пока не засыпал. Меня восхищало величие галактики, и я гадал, где же она кончается. Я терялся в догадках, кто сотворил это великолепие, и как. Еще я пытался понять свое место по отношению к звездам. Что я делаю, какова моя роль и ценность в этой огромной и прекрасной Вселенной? Помню, взрослых удивляло, что я так много думаю о звездах и о галактике.

Я родился в Иране в 1966 году, в правление шаха. Власти все свое внимание направляли на столицу, Тегеран, и несколько крупных промышленных городов, таких как Тегриз, Исфахан и Мешхед. Я родился в захолустном городке далекой провинции, в семье бедной, но некогда «именитой». И отец и мать были из семей землевладельцев. Деду по матери принадлежала почти вся земля, на которой расположена теперь деловая часть нашего города. Семья второго деда, по отцу, владела большими земельными участками в городских окрестностях.

Дед-помещик умер, когда мама была еще подростком. После его смерти мой старший дядя стал, как принято в Иране, главой семьи. Он в течение нескольких лет распродал все земли, задолго до моего рождения. Продавал он их понемногу, чтобы обеспечить семью, которую должен был содержать после смерти деда. Благодаря ему они не бедствовали, правда, всю землю продали, а деньги проели.

Мою бабу по отцу обделили наследством: все забрал ее брат, дядя отца. В иранском обществе, где власть в семье принадлежит мужчинам, такое случалось довольно часто. Короче говоря, моим родителям достался лишь «почет» да память о том, что они происходят из «знатных» семей, что было важно в момент женитьбы. Богатства предков они в свою семейную жизнь не принесли. Нам, их детям, «аристократическое» прошлое не дало ничего, кроме лишений: родители выросли в богатых семьях и не справлялись с

домашними обязанностями, не по нежеланию, а по неумению, ведь в их детстве всю работу по дому выполняли слуги или служанки.

Как и все в нашей большой семье, я вырос в бедности. Своего дома у нас не было, и мы переезжали всякий раз, как заканчивался срок аренды. Удивительно, что потомки крупных землевладельцев жили, как цыгане. Временами у нас не было даже хлеба, и мы ложились спать буквально на пустой желудок. Я и сейчас помню, какая боль была в глазах у матери, когда у нас не было хлеба.

Мама была ревностной мусульманкой-шииткой и к религии относилась очень серьезно. Даже будучи старой и немощной, она неукоснительно совершала намаз. Я и сейчас помню, как она вставала в темноте, чтобы помолиться на Мекку. Она была необразованной, не знала Корана и мусульманской теологии, однако выросла в исламской традиции, поэтому строго соблюдала все предписания. Она постилась в месяц Рамадан, как этого требует исламская традиция. Мама была простая, душевная женщина. Ревностная мусульманка, она так любила нас, что не навязывала своей веры. Я всем сердцем знаю, как сильно она любила нас. Ее любовь всегда меня поддерживала.

Отец считался мусульманином, но к религиозным обязанностям относился легкомысленно, как и к религии вообще. Он был человек общительный и компанейский. Многие в городе знали его и почти все любили. До Исламской революции 1979 года он почти все время проводил с друзьями, а дома почти не показывался. Как-то мы не видели его целую неделю. После Исламской революции он очень изменился. Новая власть строго запретила собираться и веселиться. Этот порядок, хотя и ущемлял гражданские права иранского народа, благотворно сказался на моей семье, потому что без отца нам было хуже, чем без гражданских прав. Отцовские привычки постепенно изменились. Он стал уделять нам больше времени и все деньги приносил домой. Мы, радуясь этим переменам, простили ему былую безответственность. Сейчас, вспоминая отца, я чувствую к нему только любовь.

В такой семье мы, братья и сестры, инстинктивно поняли, что должны крепко держаться друг за друга. Старшие заботились о младших. Общие лишения скрепили нас прочными узами. Мы очень любили друг друга. В этом смысле моя семья была исключительной даже для Востока, где семейственность вообще очень развита. Мы жили ради близких. Постепенно старшие выучились, нашли сносно оплачиваемую работу и взяли на себя попечение о младших. Теперь я понимаю, что не только общие невзгоды так сплотили нашу семью. Верю, что Господь по своей милости призрел на нашу бедность и в утешение разжег наши сердца любовью друг к другу.

Когда произошла Исламская революция, мне было тринадцать. Мне, ребенку из бедной семьи, очень нравилось участвовать в уличных демонстрациях против шаха. Это было опасно, полицейские могли арестовать нас, избить и даже убить, но для бедных мальчишек вроде меня это было захватывающим развлечением. Почти каждый день я выходил из дома в поисках демонстрации, к которой можно было бы примкнуть. Мы выкрикивали лозунги против шаха. Я не знал, что за человек этот шах, и почему я выступаю против него. Я просто считал, что имею право ненавидеть его, потому что он богатый, а мы бедные! И потом, все были против шаха. Участниками акций восхищались. Приятно было выглядеть героем в глазах окружающих, протестуя против шаха, которого, по неведомым мне причинам, так ненавидело большинство иранцев.

После революции я оказался в оппозиции к подавляющей части общества. В то время, когда почти все иранцы любили и поддерживали Хомейни, я примкнул к левым. Режим и его сторонники почему-то не вызывали у меня восторга. Они исходили злобой и ненавистью. Свои споры они разрешали силой оружия. Новый режим и его последователи были исключительно жестоки и нетерпимы. В 1981 году по телевизору каждый день зачитывали список двух-трех сотен молодых людей, казненных за то, что они «боролись против Аллаха и его посланника». На самом деле казненные были цветом иранской молодежи. Все преступление этих парней и девушек состояло в том, что они не разделяли

официальных взглядов. Когда сторонники режима маршировали по улицам, в воздухе повисала атмосфера ненависти и разрушения. Она, как проклятие, неумолимо разрушала общество.

Испытав на собственном опыте, как религия, придя к власти, калечит страну, я примкнул к левым. В атмосфере, где духовная власть обратила целый народ в рабов ненависти и насилия, светские идеи марксизма казались мне очень привлекательными. Левые были образованнее и культурнее, чем сторонники режима, они проповедовали заманчивые идеи, такие, как социально-экономическое равенство.

Я был беден, однако получил кое-какое образование, поэтому в революционной атмосфере тогдашнего Ирана тоже увлекся социалистической идеей справедливости. Как социалист, я стал чужим в собственной стране, где большинство составляли мусульмане. Тем не менее я был счастлив, хотя и подвергался опасности. Я считал, что борюсь за правое дело. Наша семья постепенно выкарабкалась из бедности, и теперь мы принадлежали к среднему классу. Некоторые мои братья и сестры неплохо преуспевали в работе или учебе. Я тоже был на хорошем счету у преподавателей. Я любил своих близких и постоянно ощущал их любовь. Благодаря общительности и веселому нраву у меня было много друзей. Я был доволен своей жизнью и самим собой.

Предчувствие ада

...Под яблоней разбудила я тебя: там родила тебя мать твоя, там родила тебя родительница твоя (Песн. 8:5).

Не могу сказать точно, в какой день я проснулся духовно и когда впервые задумался о Боге. Тем не менее, то были поворотные пункты в моей жизни, и я хорошо их помню. Они сильно отразились на моей судьбе, поэтому я не в силах их забыть. Исламская революция 1979 года и последовавшая за ней восьмилетняя война с соседним Ираком были страшным временем. Насилие стало нормой повседневной жизни Ирана. Без сомнения, эти события так или иначе отпечатались в моем подсознании. Впрочем, на мне они сказались меньше, нежели события, которые происходили в моей душе. Именно то, что творилось в душе, наложило неизгладимую печать на мое сознание, развернув мою жизнь в другом направлении. Думаю, легче справиться с землетрясениями, чем с теми сдвигами, которые происходят в твоей душе. Можно оставаться внутренне спокойным, когда все вокруг рушится; в то же время внутренние потрясения способны полностью перевернуть всю твою жизнь, даже если вокруг все тихо и безмятежно.

Именно такое потрясение я испытал однажды солнечным днем в Иране. Я был в самом расцвете счастливой юности. Я хорошо учился, преподаватели и однокашники ценили меня, да и за пределами школы у меня тоже было много друзей. Следуя предписанным нормам общественного поведения, я пользовался уважением окружающих. Меня любили за общительный нрав, и я проводил много времени в компании друзей. Дома меня тоже любили и даже уважали, хотя я был одним из младших членов семьи. В общем, я радовался жизни, а на душе у меня было светло.

И вот пришел тот день. После обеда я, как правило, ложился вздремнуть. Иранцы плотно обедают в полдень или чуть позже, а потом отдыхают, чтобы восстановить силы для вечерних трудов. Как обычно, я погрузился в глубокий сон под спокойную и красивую персидскую песню. Примерно через час я внезапно проснулся, словно от землетрясения, и понял, что толчки происходят не вовне. Снаружи все было как обычно. Тот же день, тот же дом, та же одежда; и все же они уже не казались мне прежними. Душу пронзила сильнейшая боль. Воздух, казалось, сгустился и давил на грудь. Внутри будто что-то жгло. Меня охватило беспокойство, и, что самое страшное, я не понимал его причины. Я проснулся словно в совершенно ином мире, однако переменялся я сам. Мне открылось новое измерение мира.

Проснулся я с чувством сильнейшего взрыва в душе, и по той боли, которую он причинил, впервые осознал, что у меня есть душа. Не могу описать муку, которую чувствовал в ту минуту. Я видел вблизи войну и насилие, но эта боль была совершенно иного рода. Ничего подобного я прежде не испытывал. Все мое существо наполнила неизъяснимая тоска.

Я проснулся внезапно, без всякой очевидной причины. Мне ничего не снилось. Я знал только, что пробудился от страха и тоски, которые физически ощущал сердцем. Я проснулся в ином мире, воистину мире смерти, мире мертвых. Радость жизни и душевный покой оставили меня навсегда.

Я ощутил власть смерти. Смерть как будто коснулась меня. Я чувствовал себя мертвецом. Я умер заживо. Мне казалось, я совершенно одинок и покинут всеми. Я ощущал себя чужим в собственном доме, как будто пробудился в изгнании, в неведомой стране и жизни. Теперь, почти пятнадцать лет спустя, мне понятно гораздо лучше, что же тогда произошло. Мир остался прежним, но Господь в Своем спасительном милосердии пробудил во мне душу. Мои глаза открылись на истинное состояние мира, на его трагичность и на меня, находящегося в плену смерти. Я изнутри испытал последствия первородного греха, ощутив на себе наследие праотца Адама. После этого адское переживание смерти не покидало меня, и я вынужден был еще много лет нести на плечах его гнет. Шло время, я все больше удалялся от друзей и близких, мучительно ощущая свое одиночество. Душа утратила связь с людьми и окружающим, и я понял, что мои отношения с миром были самыми поверхностными.

Все и вся казалось теперь бессмысленным. Жизнь стала эфемерной, не настоящей. Даже горячая любовь близких представлялась незначительной и ненадежной. Между нами как будто исчезли все мосты. То было не мимолетное чувство, а постоянное глубокое убеждение, что в моей жизни не достает чего-то главного. Я не понимал, чего. Много позже я осознал, что не «чего», а «Кого» – «Кто-то», а не «что-то» отсутствовал в моей жизни. Я ходил в школу, как все мои сверстники, хорошо учился, но в глубине сердца меня терзал вопрос: «И что? Ты умрешь, и какой тебе будет прок от образования?» У меня была любящая семья, множество близких друзей, но в сердце звучал все тот же вопрос: «И что? Ты умрешь, и какой тебе будет от них прок?» Все утратило для меня смысл. Я не понимал, зачем ем, сплю, учусь, и вообще живу.

Неотвязный вопрос не был философским. Дело не в том, что мой разум стремился исследовать неведомое из интеллектуального любопытства. Это был личный вопрос, в его центре стояли я и моя жизнь. Я не мог радоваться и даже просто жить, пока не узнаю ответа. Без ответа мне незачем было жить. Мне казалось нелепым прилагать какие-либо усилия, когда смерть все равно придет и положит всему конец. Нет, хуже, она уже пришла! Меня пугала не телесная смерть, но смерть абсолютная – полное ничто, духовная смерть.

Смерть как абсолютный конец бросила на меня тень и отняла всякую радость бытия. Знай я, что за гробом есть жизнь, я бы не так страшился. Однако я боялся превратиться в абсолютное ничто, раз и навсегда утратить право на существование. Страшная угроза небытия стала для меня адом. Я был ввергнут в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов (Мф. 13:42). Меня терзала нестерпимая боль; я ощущал себя в бездне, и в то же время стремился освободиться от этой муки и обрести покой, сам не зная где. Напуганный переживанием смерти, я отчаянно хотел жить.

Я продолжал существовать, но иначе. Я пытался двигаться по инерции, потому что был в смятении, не понимая, что, собственно, произошло. Однако жить «по-старому» не получалось. Внешне мало что изменилось, однако я все теперь воспринимал иначе. Я в корне изменился, стал другим и, как ни старался, не мог стать «прежним».

Я жил, как будто играл в пьесе. Я не мог, не смел рассказать кому-нибудь о своих чувствах, потому что сам не понимал, что со мной происходит и почему. Я сохранял все сие в сердце своем (Лк. 2:51) и продолжал по мере сил жить, словно ничего не

изменилось. Однако я точно стал иным, не похожим на себя прежнего и на многих окружающих, и ощущал себя пришельцем с чужой планеты.

Это неожиданное переживание заставило меня осознать собственное я. Теперь, когда я обнаружил что-то внутри себя, я хотел понять это, узнать, почему оно кажется таким чужим и неясным даже мне самому. Ребенком я замороженно смотрел на звезды, теперь я хотел, чтобы звезда засияла не на темном небосводе, но внутри меня. Думаю, типичный иранец – это экстраверт, который редко размышляет о себе и не нуждается в уединении. Он существует постольку, поскольку взаимодействует с другими и, оставшись один, словно перестает существовать. После пережитого опыта я превратился в полную противоположность этому типу. Я стал интровертом, полюбил уединение, дающее возможность размышлять о себе. Я бежал от людей и хотел одного: разобраться, что происходит у меня внутри.

Я не понимал, какова моя роль и место во Вселенной, и ощущал полную растерянность. Вопросы бытия, которые всегда были философским развлечением интеллектуалов, стали для меня по-настоящему насущными. В них сосредоточилась вся жизнь. Я не мог жить, как будто их нет. То были не абстрактные вопросы, а вполне конкретные. Я не спрашивал, каковы роль и место человечества во Вселенной, не спрашивал, зачем созданы человечество и Вселенная. Меня интересовало, зачем родился я, и какова моя роль в жизни. Философствовал не мозг, не рассудок. Я весь, мое тело и душа, все мое существо страдало, требуя ответа на вопросы бытия.

Мне было страшно. Я утратил контакт с жизнью и с миром, каким я его знал, вошел в совершенно чуждый для меня мир и словно изгнанник искал убежища в темноте. Я был в бездне, один в темной ночи. Луна скрылась, дорога была трудна и полна ловушек, а вдоль нее прятались враги.

Я вкусил от «древа познания» и внезапно обрел знание добра и зла. Я видел солнце и луну, но не радовался их величию, а скорбел, что они садятся или скрываются за тучу. Я смотрел на небо и море, но вместо красоты видел лишь мерзость разложения. Я смотрел на живых существ, но не дивился их разнообразию, а горевал, что они смертны.

...Суета сует, все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь. Все вещи – в труде: не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после (Екк. 1:2–11).

Господь по Своей великой милости дал мне испытать на себе греховность человеческого рода. Я сам пережил грехопадение, и вот за то, что я сделал, проклята земля. Мне пришлось со скорбью питаться от нее во все дни жизни моей. Она взрастила волчцы и тернии, и мне пришлось насыщаться полевой травой. Я в поте лица ел хлеб мой, доколе не возвращусь в землю, из которой взят, ибо я прах и в прах возвращусь (Быт. 3:17–20).

Я послушался Бога и вкусил от запретного плода. Меня изгнали из Эдемского сада. Древо жизни стало для меня недоступно. В опасной земле, куда меня изгнали, я узнал добро и зло (Быт. 3:22–24). Я оказался перед развилками; приходилось решать, куда идти, и не так-то просто было выбрать правильную дорогу.

Встреча с исламом

То, что раньше казалось мне проклятием, оказалось благословением. Мои глаза открылись: я увидел зло и несовершенство в себе самом и в мире; в глубинах души пробудилась сильнейшая тяга – отыскать добро и совершенство. Я не понимал, чего ищу, знал только, что в моей жизни недостает чего-то существенного, и пока я этого не найду, ничто в мире не насытит мою душу. Чтобы избежать тисков смерти, душивших меня изнутри, я должен был отыскать помощь и исцеление. Не желая тонуть, я цеплялся за любую соломинку. Вкусив от запретного плода, моя душа подсознательно стремилась к дереву жизни.

Самое мучительное (и это до сих пор меня изумляет), – это то, что я пытался жить, как прежде, словно ничего не произошло. Я как будто не хотел верить в реальность произошедшего. Я не смел взглянуть в глаза новому. Оно было слишком трудным и страшным. Перепуганный, незрелый, я пытался закрыть на него глаза, не понимая, что это невозможно.

Я по-прежнему занимался политикой, называл себя социалистом, доказывал, что возможно общество без классового разделения, и что к нему надо стремиться. Я обвинял капитализм во всех бедах мира и требовал его устранения. Сейчас мне странно и стыдно вспоминать мою тогдашнюю глупость. Я хотел спасти мир, а внутренне умирал от духовной пустоты; проповедовал идеологию, в которую сам не верил; пытался убедить людей доводами, которые не убедили меня.

Я просто притворялся, ведь старые привычки нелегко изменить, но были тут и глупость, и малодушие. Как «интеллигент», «интеллектуал», «разумный социалист» я пользовался уважением в своем кругу и старался завоевать влияние и престиж, которые мне льстили. Меня окружали по большей части неверующие и агностики. Среди этих людей модно было не верить в Бога. Все духовное отбрасывалось как суеверие безграмотных масс. И что я должен был сказать своим друзьям? Что утратил веру во все идеологии из-за сна, который не могу вспомнить? Поверили бы они? Сохранили бы уважение ко мне? Конечно, нет! Я упал бы в глазах многих своих друзей.

Поэтому я притворялся кем-то другим, не собой. Я делал вид, будто верю в идеологию, в которую больше не верил, пытался продать товар, который сам не купил бы и за пять пенсов. Я превратился в лицемера. Я стыдился своего притворства, но ничего не мог с собой поделать. Я ослеп, и весь мир стал для меня черной бездной. Я понимал, что лицемерить недостойно, однако был слишком «богат», а следовательно, слишком труслив, чтобы объявить вслух, что утратил веру во все идеологии. Воистину невозможно богатому войти в Царство Небесное, если Бог не сделает невозможное для человека возможным (Мф. 19:23).

И вот посреди этого смятения произошло одно событие, которое вернуло мне радость и надежду на избавление. Однажды я зашел к другу и остался у него ночевать. Постепенно интересные темы для разговора исчерпались, мне стало скучно, и я попросил у него что-нибудь почитать. Он дал мне книгу, которую сам не читал, но слышал, что она интересная. Это была одна из глав – кажется, девяносто вторая – сочинения под названием «Тазкират-аль-авлийа», или «Жизнеописание святых» (то есть суфийских учителей), написанного великим персидским поэтом Фарид-ад-дином Аттаром², который сам считается выдающимся исламским мистиком. В этой главе рассказывалось о Мансуре Аль-Халладже³, величайшем и, возможно, самом нетрадиционном представителе раннего

² Аттар Фарид-ад-дин Мохаммед бен Ибрахим (ок. 1119 – год смерти неизв.) – персидско-таджикский поэт-мистик. В своих стихах утверждал идеи дервишской суфийской морали. Основное произведение – поэма «Беседа птиц», из крупнейших литературных памятников суфизма.

³ Аль-Халладж, Абу Абдаллах Хусейн ибн Мансур – представитель суфизма, утверждавший возможность реального соединения духа суфия с Богом; в моменты экстатического исступления он восклицал «Я – Истинный», за что был признан еретиком и казнен в 922 г.

суфизма. Его казнили в 922 году по обвинению в ереси, поскольку он провозглашал: «Я есть Истинный» (то есть Бог). Жизнь и духовные поиски Халладжа произвели на меня сильнейшее впечатление. Это был удивительный человек. Подвижничество и духовность были его главными, даже единственными устремлениями. Он исповедовал ислам, но его идеи очень сильно расходились с ортодоксальным учением. Что он хотел сказать, когда прилюдно возглашал и отстаивал утверждение «Я есть Истинный», за что и принял жестокую смерть?

Я так в этом и не разобрался, ибо он не оставил законченного богословского учения. Что привлекло меня в Халладже, так это отождествление себя, человека, с истиной и Богом. Я всегда считал истину абстрактным неодушевленным понятием и спрашивал: что есть истина? Халладж впервые навел меня на мысль, что истина может быть кем-то. Я понял, что, возможно, правилен другой вопрос: Кто есть истина? Халладж не дал ответа. Его богословие слишком расплывчато и незавершено, чтобы давать ответы; оно распалось с его смертью и не укоренилось в мире. Однако для меня Халладж открыл мир суфийской традиции.

Слово «суфизм» происходит от арабского «суф» – шерсть, грубая шерстяная ткань, власяница аскета. Суфизм – течение в исламе, которое, в отличие от ортодоксального, основного направления, строится на подвижничестве и страдании как пути (тарикат) к конечной цели человечества. Эта цель, по убеждению суфиев – единение с Богом. Неизвестно, когда появился суфизм. Некоторые исламские учителя и мистики, такие как Аттар, считают, что начало ему положил сам пророк Мухаммед, вдохновив на этот путь Увайса аль-Карани. Другие считают, что его создали через несколько столетий после смерти пророка благочестивые мусульмане, недовольные тем, что мусульманские правители погрязли в роскоши и мирских интересах. Подобно закону (шариату) путь (тарикат), то есть эзотерическая сторона ислама, строится на Коране и исламской традиции.

Однако, в отличие от ортодоксального ислама и шариата, занятых по преимуществу общественной и правовой сторонами жизни, суфизм сосредоточен на духовной борьбе отдельного человека. Через аскезу суфий очищает душу от страстей; очистившись, он пребывает в Боге и полностью соединяется с Ним. «Совершенная любовь к Богу», то есть любовь без всякого своекорыстного интереса, будь то страх перед адом или надежда на райское блаженство, – таков, в теории, идеал суфиев.

Я читал «Тазкират-аль-авлия» главу за главой. Каждая была посвящена одному из великих суфийских святых. Я перечитывал книгу снова и снова – меня завораживала и тема, и люди, которые там были описаны. После «Тазкират-аль-авлия» я нашел выдержки из «Мантик ат-тайр» («Беседа птиц»), другого значительного сочинения Фарид-ад-дина Аттара. В этой поэме рассказывается, как тридцать птиц («си мург» по-персидски), отправились на поиски таинственной птицы феникса («симург» по-персидски), и, найдя её, поняли, что они сами и есть симург, и что все они, тридцать птиц и одна птица – единое, нераздельное и неразличимое целое. Это аллегорически описывает единение аскета с божественной сущностью Всевышнего, что и есть идеал суфизма.

Потом я «случайно» наткнулся на мистическую поэму Джалаледдина аль-Балхи⁴, которого в Персии называют Мелави, а на Западе – Руми. Он написал две главных книги. Одна – «Месневи» – длинная поэма, в которой излагается его мистическое и нравственное учение. Ее называли «Коран на персидском», поскольку она по большей части представляет толкование коранических стихов. Вторая и, на мой взгляд, самая

⁴ Речь идет о Руми, который родился в г. Балхе (Афганистан). Руми Джалаледдин (1207–1273) – персоязычный поэт, суфийский мистик. Наибольшую славу ему принесла созданная в последние годы жизни поэма «Месневи-и-манави», содержащая толкование основных положений суфизма. Творчество Руми оказало значительное влияние на развитие литературы Востока.

замечательная из его книг – «Диван Шамса Табризи», в которой он изливает свою преданность и любовь к своему духовному наставнику и другу Шамсиддину Табризи⁵.

Однажды я зашел навестить семью моей сестры и заметил оставленную на полу книгу. Это были выдержки из «Дивана Шамса Табризи». Я открыл ее, прочел несколько строк и пришел в такое волнение, что, схватив книгу, бросился домой, чтобы читать ее в тишине и покое.

Душа, кто вдохнул в тебя этот порыв?

Кто в сердце родил трепетанье тревог?

(«Диван Шамса Табризи», пер. Е. Дунаевского).

«Диван Шамса Табризи» захватил мою душу. В этих стихах я узнавал собственную жажду божественного, духовного, вечного. Мистические стихи отражались во мне и проявлялись как страстная, личная тяга к Богу, которую я нес в своем сердце. В строках, обращенных к возлюбленному наставнику, я узнавал свою любовь к вышнему Богу, которого не знал осязаемо и лично. Несколько лет я читал только Руми и так часто, что вскоре выучил наизусть почти все его стихи. Когда я повторял первые строки «Месневи», они казались мне моей собственной жалобой:

Вы слышите свирели скорбный звук?

Она, как мы, страдает от разлук.

О чем грустит, о чем поет она?

«Я со стволом своим разлучена.

Не потому ль вы плачете от боли,

Заслышав песню о моей доле.

Я – сопечальница всех, кто вдали

От корня своего, своей земли.

Я принимаю в судьбах тех участие,

Кто счастье знал, и тех, кто знал несчастье.

Я потому, наверно, и близка

Тем, в чьей душе и горе, и тоска.

Хоть не постичь вам моего страданья:

Душа чужая – тайна для познания.

Плоть наша от души отделена,

Меж ними пелена, она темна.

Мой звук не ветер, но огонь, и всякий раз

Не холодит он – обжигает нас.

И если друг далек, а я близка,

То я – ваш друг: свирель из тростника.

Мне устранять дано посредством пенья

Меж Господом и вами средостенье».

(«Месневи», глава первая, пер. с персидского Н. Гребнёва).

В Руми я нашел духовного спутника. Мне казалось, что и он пережил внутренний перелом. Его стихи выражали мои муки и тягу к чему-то неведомому лучше, чем я бы выразил сам. Интересно, что Руми, в отличие от других персидских поэтов и философов, таких как Омар Хайям, видит в боли не наказание, а источник жизни. В «Диване Шамса Табризи» он говорит, что боль, которую порождает взгляд, брошенный внутрь себя, помогает пройти сквозь завесу, отделяющую человека от Бога.

У него я находил отзвуки собственных чаяний, его слова формулировали мою тягу к живому и любящему Богу:

Любовь – это к небу стремящийся ток,

Что сотни покровов прорвал и совлек.

В начале дороги – от жизни уход,

⁵ Шамсиддин (Шамса) Табризи – один из проповедников идей суфизма, ставший учителем и духовным наставником Руми. Многие свои ранние газели Руми подписывал его именем.

В конце – шаг, не знавший, где след его лег.
Не видя, приемлет любовь этот мир,
И взор ее – самому тленью далек,
«О сердце, – вскричал я, – блаженно пребудь,
Что в любящих ты проникаешь чертог».
(«Диван Шамса Табризи», пер. Е. Дунаевского).

Теперь, когда у меня были книги Руми, я желал лишь остаться в одиночестве и читать. Мне не хотелось никого видеть, и я находил общество в самом себе. Часто я сидел один в какой-нибудь из комнат нашего дома и читал – иногда громко, вслух – «Диван Шамса Табризи».

Стихи Руми написаны словами, которые проникают в самую душу, и очень ритмичны. Я приходил от них в такое духовное опьянение, что пускался в пляс. Я знал, что Руми пишет о возлюбленном наставнике Шамсе Табризи, но не знал, что за любовь и к кому я сам нахожу в этих стихах. Дивный язык Руми помогал мне выразить жгучую любовь к таинственному Возлюбленному. Я знал, что Он есть, но не знал, кто Он, и незнание терзало меня все больше. Я признавал, что люблю Кого-то, что этот Кто-то лучше и выше всего, что мне ведомо, что Он может подарить мне радость и мир. Я приблизился к тому этапу своей жизни, когда надо было пойти дальше духовных жалоб и найти Возлюбленного. Однако суфийская литература помогала лишь скорбеть о разлуке. Она не объясняла, как ее преодолеть.

Для мусульманина единственный серьезный источник – Коран. Пророк Мухаммед, которого называют «Печатью Пророчества» и через которого, согласно традиции, явлено Божественное откровение, составляет идеал исламского мистика. Мне казалось логичным в поисках неведомого Возлюбленного обратиться к этой книге. Я попросил отца купить Коран; мне самому это было не по карману. Близкие удивились и обрадовались: отец – потому что видел, что я отхожу от политики, мать – потому что была ревностной мусульманкой и думала, что я обратился. Отец купил мне Коран в самом лучшем персидском переводе.

Язык Корана в корне отличался от того, что я читал у Руми и других суфиев. Там не было ни слова о личной любви Бога к отдельному человеку или человека – к Богу. Книга не помогала мне в познании Бога, не говорила, кто такой Аллах. Аллах – «милостивый, милосердный»⁶ (Коран, начальная сура), «Господь миров» (там же), «царь в день суда» (там же), «тайный» (2:2), «единый» (112:1), «вечный» (112:2), «Господь Рассвета» (113:1). Но кто Он, если вообще кто? Я понял, что Коран не даст мне личной связи с Богом. Этот Великий Создатель был скорее силой, чем личностью. Да, я не знал, к кому стремлюсь, но чувствовал, что мои любовь и стремления очень личны. Как я могу любить кого-то, кто не поддается определению? Как можно любить безличного Бога? Такая любовь в лучшем случае была бы безличной любовью, а велика ли ей цена?

Еще в одном смысле Коран оставался для меня непонятным. Там утверждается, что это Книга от Бога, данная в подтверждение истинности того, что было (10:38) – единственное «чудо», которым Пророк доказывает, что пришел от Бога (10:39). Однако эта же самая книга утверждает превосходство почти всех остальных пророков. Все они, согласно Корану, явились с «ясными знамениями», подтверждающими, что они посланы Богом: Ной пережил потоп (11:44), Авраам уцелел в пламени, в которое был брошен, и огонь стал для него прохладой (21:69), Соломон получил мудрость и знание (21:79), Моисей пришел к народу израильскому со множеством «ясных знамений» от Бога (2:93), он говорил с Богом на горе Синай (7:143) и сотворил множество великих чудес (2:55–63).

Иисус тоже пришел с «ясными знамениями»: «Я пришел к вам со знамением от вашего Господа. Я сотворю вам из глины по образу птицы и подую в нее, и станет это птицей по изволению Аллаха. Я исцелю слепого прокаженного и оживлю мертвых с

⁶ Цитаты из Корана даны в переводе И. Ю. Крачковского.

дозволения Аллаха. Я сообщу вам, что вы едите и что сохраняете в ваших домах. Поистине, в этом – знамение для вас, если вы верующие! (3:48). Читая Коран, я был готов восклицать, как жители Аравии, говорившие о Пророке: «Если бы было ниспослано ему знамение от его Господа!» (10:21).

Однако как эта религия так быстро распространилась бы по миру, если она не была самой лучшей? Как и чьей властью она сумела обратить столько народов? Почему иранцы, самый древний и культурный народ в этой части света, приняли ислам? Я думал: наверняка в нем есть что-то замечательное, чего я не вижу по собственным несовершенству и незрелости, может быть, это я духовно слеп и не могу охватить истинности ислама.

Шли месяцы, но загадка оставалась. Как ни убеждал я себя, что ислам – истинная религия от Бога, ничего не получалось. Я молился, чтобы Господь открыл мои глаза, но свидетельства против ислама, почерпнутые из него самого, не позволяли мне уверовать.

Встреча с Евангелием

В 1990 году я попал беженцем в Норвегию. Меня приняли в городке Вольда на западном побережье, в фюльке (провинции) Мёре-ог-Ромсдаль. Это очаровательный городок в одном из красивейших мест мира, на берегу Атлантического океана, в окружении зеленых холмов и величавых гор. Мне нужны были покой и уединение, чтобы разобраться в себе; Вольда с его пятью тысячами жителей, которые редко выходят на улицы, подходил как нельзя лучше. Кроме того, я хотел продолжить образование; в Вольде, где есть университет и педагогический институт, для этого были все условия.

Вскоре после приезда ко мне постучал мальчик по имени Рейдар – один из тех добрых людей, которые старались приветить беженцев. Я пригласил его в дом, и Рейдар подарил мне карманное Евангелие. Оно было на норвежском, но с английским переводом. Так я впервые встретился с Евангелием и, начав читать, не смог оторваться. Для меня это был не философский труд и не художественное произведение, а Книга Жизни. Она повествовала о жизни, речениях и деяниях Христа словами, которые были обращены не столько к рассудку, сколько к сердцу. В моей жизни наступил перелом.

Евангельский Иисус оказался совсем не таким, каким я знал Его из Корана и суфийских писаний. Исламская духовная литература изображает Иисуса хоть и одним из посланцев Божьих, но все же обычным человеком (Коран, 3:59; 3:84). Идея о том, что Он – Бог и Сын Божий, начисто отвергается исламом как кощунственная (там же, 4:171; 5:17; 5:72). В Евангелии Он – Сын Божий и Бог. Христианский Бог, в отличие от Аллаха – конкретная личность. В Христе Господь явил себя нам как конкретная личность. Бог Корана – создатель всего сущего, но больше нам о Нем практически ничего не известно. Бог в исламе не является личностью, поэтому человеку невозможно к Нему подступить. В Евангелии меня сильнее всего потрясло отношение к Богу как к личности. То, к чему стремилась моя душа и чего я не находил в исламе – Бог, с которым можно установить личную связь. Я – личность и могу установить связь с Богом, только если Он тоже является личностью. Если евангелисты правы, и Бог действительно воплотился в Иисусе, значит, возможны личные отношения между человеком и Богом. У меня появилась надежда.

Иисус в Евангелии был совсем не такой, как я ожидал. Здесь Он предстал как Сын Божий, Одно из Лиц Троицы. Из любви к людям он стал Сыном Человеческим. Он – Бог, решивший спасти людей от ига греха и смерти. Не мы достигли Бога, но Он снизошел до нас. Он родился в человеческой плоти, жил с нами, ходил среди нас, спал под одним с нами кровом, ел с нами, страдал с нами, помогал нам, исцелял нас, делил с нами свою доброту, молился о нас Своему Отцу, желал разделить с нами Свое Царствие, смиренно омывал нам ноги и, наконец, кротко принял от нас и для нас едва ли не самую страшную из возможных смертей. И тем не менее Он по-прежнему нас любит. Бог стал человеком,

чтобы спасти человечество; Он спас нас Своею смертью на кресте и посмертным воскресением. Это была Благая Весть, лучшая весть, какую мне доводилось слышать. Коран отрицал эту Благую Весть: Иисус Корана не восстал из мертвых, потому что не был распят (Коран, 4:156). Читая Евангелие, я понял, что люблю Христа.

Однако оставалась дилемма: действительно ли Иисус был таким, каким изображает Его Евангелие? Я любил Его, но как узнать, что Он – не просто обычный человек, историческая личность? Как убедиться, что Его слова Я есть путь и истина и жизнь не сродни высказываниям Халладжа? Утверждение Халладжа «Я – Истинный» умерло вместе с ним навсегда. Как удостовериться, что слова Иисуса истинны и живы?

Воскресение Христа стало для меня ключом к разгадке. Это была проверка христианства на истинность. Если Он воскрес, то верно и все остальное, что рассказывает о Нем Евангелие. Если Он вправду восстал из мертвых, значит, Он вправду Бог и Сын Божий, ставший человеком, чтобы спасти человеческий род, а с ним и все творение. Тогда наше спасение и впрямь в том, чтобы верить в Него и идти за Ним. Если он умер и не воскрес, как в случае мусульманского мистика Халладжа, то Евангелие лжет, и верить в Христа – несусветная глупость.

Кто был этот Иисус, который так строго судил книжников и фарисеев, называя их лицемерами, вождями слепыми, безумными и слепыми, гробами поваленными, осужденными в геенну (Мф. 23:15–33)? Только если Он воистину Бог, Ему позволено говорить как Богу, иначе он очень дерзкий человек. Если Христос не воскрес, если он не Сын Божий, то христианство – величайшее мошенничество и самообман в истории человечества. Конечно, апостолы подтверждают Его воскресение, и мне искренне хотелось им верить, но мог ли я? Задача была непростая. Если сами апостолы, которые жили с Ним рядом и, как утверждают евангелисты, видели Его чудеса, сомневались в Его воскресении (Лк. 24:11), то как не усомниться мне? Как поверить, что Он воскрес, когда даже апостол Фома сказал: ...если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю (Ин. 20:25)?

Где найти свидетельства воскресению? Я всем сердцем желал, чтобы Евангелие оказалось истинным, ибо его рассказ был прекраснее всего, что я читал прежде. Если он правдив, трагедия человечества и личная трагедия моей жизни разрешены. Значит, вся ценность этого прекрасного рассказа определяется его истинностью. Если это всего лишь литературное произведение, то Евангелие – величайшая ложь в истории человечества. Как мне убедиться, что оно истинно? Где найти доказательства?

Иисус, который был так добр и щедр, что исцелял больных, возвращал зрение слепым, очищал прокаженных и даже воскрешал мертвых, еще и учил, как власть имеющий (Мф. 7:29). Иногда Он говорил суровые слова, а от своих учеников требовал полного самоотречения. Кто Он, сказавший, чтобы мы любили Его больше отцов, матерей, сыновей и дочерей, если хотим стать Его учениками (Мф. 10:37–40)? Кто Он, велевший, чтобы мы взяли крест свой и пошли за Ним? Только со стороны Бога такие требования справедливы, в противном случае это самый эгоистичный и самовластный человек в истории.

Ислам и христианство представлялись мне диаметрально противоположными, а не дополняющими друг друга, как утверждает ислам. Иисус в Евангелии совсем не тот, что Иса Корана. Лишь один из них может быть настоящим, но который? Если Евангелие правдиво, значит, ислам лжив, если коранический рассказ об Иисусе верен, то лживо Евангелие. Как мне разобраться, где истина, а где ложь? Как мне узнать, прав Коран или нет, утверждая, что евангельская история Иисуса искажена (Коран, 5:116; 9:31)? Нелегко было отыскать ответ. Это не археология, в которой можно опровергнуть теорию, сославшись на ту или иную находку. Это богословие, а где найти истинного богослова, который даст мне ответ?

В городке Вольде Евангелие стало моим постоянным спутником. Я носил его повсюду и читал где только мог. Чем больше я вчитывался, тем больше любил Иисуса. Я

не понимал многого из того, что Он сказал, однако Он был необычным в хорошем смысле слова – не таким, как другие персонажи, которых я встречал в духовной литературе. Он говорил притчами. Я не понимал их смысл, но чувствовал, что в этих загадочных изречениях заключена глубокая мудрость. Я понимал, что за этими простыми словами живет сокровенный смысл. Я не понимал слов, но заключал из них, что Он был личностью необыкновенной. И я любил Его, даже не зная, кто Он.

Встреча с пятидесятниками

Поскольку я собирался учиться дальше, я ходил в местный университет и педагогический институт читать книги и общаться со студентами. Здесь я познакомился со многими милыми и приветливыми молодыми людьми. Некоторые из них принадлежали к местной общине пятидесятников. Спустя какое-то время они пригласили меня к себе. Я принял приглашение и стал посещать их вечерние собрания. Встреча с западными «харизматиками» стала для меня тяжелым потрясением.

Они были очень вежливы – я бы сказал, еще вежливее и приветливее, чем остальные норвежцы. Многие члены общины – молодые и старые – подходили ко мне, улыбались, говорили ласковые слова. Однако их молельный дом показался мне чем угодно, только не храмом. До сих пор я представлял себе церковь как место богослужения, однако молельный дом пятидесятников в Вольде отнюдь не походил на дом молитвы, каким он мне представлялся. Это было большое помещение, похожее скорее на современный музей или на университетскую аудиторию. Музыка, пение и танцы походили на концерт, а проповедь – на официальное выступление: говорящий в костюме стоял перед микрофоном, слушатели сидели рядами и хлопали или громко кричали в знак одобрения.

Сама же «молитва» напомнила мне экстатические состояния, в которые приводят себя последователи восточных эзотерических учений: люди внезапно разражались громкими криками, размахивали руками, трясли головой, издавали странные звуки (это называлось «глаголать языками», хотя на этих языках, наверное, никто и нигде не говорит). «Экстаз» создавала и подогревала эмоциональная музыка. Должен сказать, что я испытал потрясение. В целом смотреть на это было занятно, но я чувствовал: что-то не так, хотя и не понимал, что именно.

Я сидел, в изумлении открыв рот. Мне объяснили, что глоссолалия, или «глаголание языками» – дар Святого Духа отдельным членам общины. Что Святой Дух, Дух Божий, снисходит на церковь пятидесятников, так что одни говорят языками, а другие их понимают и переводят. Я смотрел на них и не мог взять в толк, что они говорят, и что вообще происходит. Это были приличные с виду, хорошо одетые мужчины и женщины всех возрастов. У меня не было причин в них сомневаться или объявлять их сумасшедшими, однако я чувствовал в происходящем какую-то изначальную неправильность. Я не мог этого принять и переварить. Встреча с западными «харизматическими христианами» наполнила меня недоверием и неприязнью к христианству вообще. Такой вид духовного самовыражения отталкивал меня от Бога. Я даже рассердился на Бога и мысленно спрашивал Его:

«Почему Ты десять раз за одно собрание изливаешь Своего Духа на эту общину, чтобы они говорили странными «языками», а весь остальной мир забыл? Неужто действительно такова Твоя воля? Почему? За что такое предпочтение этим людям? Участники собраний, на которых так щедро нисходит Твой дух, куда благополучнее большинства жителей земли и, судя по всему, страдали меньше многих других. Ни война, ни бедность, ни революция, ни стихия их не затронули. Почему Ты оставил бедных и страдающих по всей земле, даже стольких христиан в Третьем мире, и осыпашь милостями эту кучку людей? Почему попускаешь неимущим гибнуть от людской жестокости и стихийных бедствий? Как часто я видел на улицах Ирана женщин, которые

несли на руках детей, убитых бомбами и снарядами, и зывали к Тебе из глубины своих скорбных сердец, прося справедливости, милосердия, утешения и помощи. Почему Ты забыл их и так благоволишь этой общине? Разве те страдальцы – не Твои создания? Не Твои дети? Почему Ты оставил сатане миллионы людей и неустанно изливаешь Своего Духа на нескольких счастливых? Господи, где справедливость в Твоей воле? И что это за дар такой – говорить странными «языками»? Почему они не говорят словами, понятными простым людям вроде меня?»

Разве для мертвых творишь Ты чудеса? Или врачи воскресят их, и прославят они Тебя? Разве кто возвестит во гробе милость Твою и истину Твою в обители смерти? Разве познают во мраке чудеса Твои и правду Твою в земле забвенной? Но я к Тебе, Господи, зываю, и ранним утром молитва моя вознесется к Тебе. Для чего, Господи, отвергаешь Ты душу мою? Отвращаешь лицо Твое от меня? В лишениях я и трудах от юности моей; возвысился, унижен был и изнемог. Навел Ты на меня гнев Твой, угрозы Твои потрясли меня; Обступили меня, как вода, всяк день меня осаждали. Удалил Ты от меня друга и ближнего, и знаемых мной удалил от скорбей моих (Пс. 87:11–19)⁷.

Но вправду ли тот «дух», чье единственное действие – в том, что эти люди говорят странными «языками» – Святой Дух? И что это за «языки»? Они больше походили на бессвязные звуки. Иногда «дух» порождал настоящую сумятицу. Люди, на которых он якобы снизошел, говорили громко и вразнобой. Дух не сходил в тиши или сам по себе – этому предшествовало сильное психофизическое возбуждение всех собравшихся. Так может это и не дух, а выражение чего-то человеческого? Чтобы приготовиться к снисхождению духа, они слушали громкую эмоциональную музыку и пение, сольное или хоровое, и при этом вскидывали руки и громко молились, каждый сам по себе.

Но здоровы ли мои глаза? Могу ли я доверять своим чувствам? По какому праву я сужу этих людей? Они выглядели честными и достойными, а многие и впрямь были добрыми, приветливыми и дружелюбными. Кто я, чтобы их судить? Я испытывал сильнейшую тоску по Кому-то, не зная даже, по Кому, и потому с трудом понимал, кто я сам. Так как же мне судить других? В моей душе не было мира, я мучился, не в силах обрести покой. Как мог я, сознавая собственный внутренний разлад, сомневаться в подлинности того, что «дух» и впрямь сходит на людей во время этих собраний? С какой стати верить себе, а не им?

Вправе ли я судить их, когда сам нахожусь в духовном смятении? Я решил, что разумнее усомниться в себе и собственных суждениях, чем в этих людях. Я готов был даже сделаться христианином-пятидесятником, но только с одним условием. В глубине души я сказал Богу: «Я не понимаю языков, которыми говорят эти люди. Ты знаешь, как отчаянно я хочу узнать Тебя и пойти за Тобой, но сердце мое не обретает веры и не дает мне сделать первый шаг. Господи, если и впрямь Твой Святой Дух нисходит на этих людей во время молитвенных собраний, пусть кто-нибудь из них заговорит по-персидски, и я уверую!

Фома сомневался и просил свидетельств. Ты дал их ему, потому что знал: он не испытывает Тебя, а искренне хочет поверить. Ты знаешь мое сердце, мое желание верить. Так ответь на мою просьбу! Господи, помилуй меня! Если и впрямь Твой Дух так щедро изливается на этих собраниях, если под Его воздействием эти люди говорят на странных языках, смилостивься и надо мной, исполни мое желание: пошли мне весть на персидском, и я уверую! Знаю, что я недостойн принять Твоего Духа, так обратись ко мне через одного из этих людей, пусть он подаст мне весть на языке, который я знаю лучше всех».

Прошло больше двух лет. Я исправно посещал почти все утренние и вечерние собрания пятидесятников, отчаянно надеясь услышать весть от Бога на родном языке, однако в этом молельном доме Бог ни разу не заговорил по-персидски. И вообще, пока я

⁷ Здесь и далее Псалтирь цитируется по русскому переводу И.Н. Бирукова и Е.Н.Бируковой. (Псалтирь Давида пророка и царя / Пер. И.Н. и Е.Н. Бируковых; ком. Т.А. Миллер. М., Изд-во ПСТБИ, 2003).

ходил к пятидесятникам, Он ни разу не заговорил со мной на внятном мне языке, ни разу не коснулся моего сердца.

Члены общины успели меня узнать. Некоторые из них по-настоящему горевали, что я не становлюсь христианином. Они верили, что я искренне ищу Бога. Многие из них горячо молились, чтобы на меня сошел дух, и приходили в отчаяние, видя, что все старания бесполезны. Я чувствовал, что смущаю их. Они симпатизировали мне, всерьез принимали мое желание и видели, что все усилия общины ничего не могут во мне изменить. На одном из собраний пожилая женщина схватила меня за руку и силком вытащила на сцену, где люди принимали «возложение рук». Вежливость не позволила мне упираться, к тому же я и впрямь хотел принять «духа», поэтому позволил вытолкнуть меня на сцену. Тут же многие из участников ринулись ко мне и, возложив мне руки на голову, принялись молиться на норвежском и других «языках». Так я простоял почти четверть часа и, к изумлению участников, не ощутил никакого «духа».

Некоторые члены общины советовали мне взять инициативу на себя: попытаться говорить языками, как получится. Я попробовал и обнаружил, что действительно могу выдумать «язык», но было очевидно, что я говорю на этом «языке» силой собственного человеческого ума. Я знал, что с подлинно духовной точки зрения это ничего не дает, поэтому не стал продолжать, ведь мое стремление было честным и искренним. Я желал обрести истинного Духа.

Встреча с пятидесятниками парадоксальным образом заставила меня поверить в превосходство шиизма и суфизма. По сравнению с таким «христианством» ислам в духовном смысле казался глубже и ближе к той трагической реальности, в которой живет большая часть человечества. Я осознал, что так называемый «дух», сходящий на членов общины, затрагивает лишь внешние, эмоциональные стороны их личности, и дальше чувств не идет, причем даже эта поверхностная духовность достигается серьезными психологическими усилиями за счет музыки, пения и громких звуков.

Прошло два года, а я не встретил среди пятидесятников никого, кто внял бы моим мукам. Никто из них при всем старании не мог понять язык страдающего человека. Страдание, воспитывающее человеческую душу, страдание, возвышающее сердце и дающее зрелость, страдание, очищающее дух в огне испытаний и опыта, начисто отсутствовало в языке пятидесятников. Для них жить с Богом значило, по норвежской пословице, «танцевать на розах». Божий народ не страдает, только преуспевает, причем в мирском смысле. Жизнь в благодати счастлива, легка и успешна. Страдание – отклонение от естественного порядка вещей, работа дьявола: оно исчезает, стоит воззвать к Иисусу. Я взывал и взывал к Нему, но мое страдание только усиливалось. Я оставался среди этих счастливых «христиан», испытывая непрекращающуюся экзистенциальную боль.

Благодушная теология пятидесятников была прямо противоположна трагической теологии шиизма, в сфере которой я вырос. Столкнувшись с таким «христианством», я уверился, что ислам духовно выше и подлиннее. Его драматизм ближе к человеческой жизни, чем восторженная теология западного «харизматического христианства». Мир трагичен. «Благодушная» теология этого «христианства» чужда реальности несчастных человеческих существ и оскорбительна для того, кто страдал. Настоящие люди в мире страдают. Иных преследуют, иные заключены в тюрьмы и подвергаются пыткам, кто-то искалечен войной, кто-то живет в крайней нищете, кто-то борется с неукротимой стихией и так далее. Все это верно по крайней мере по отношению к Третьему миру.

Однако даже на материально благополучном Западе множество людей страдает психологически. Многие семьи распадаются. В поисках любви, гармонии и человеческого тепла люди часто меняют партнеров, а иные так и не находят себе спутника жизни. Некоторые дети растут в неполных семьях, не ведая отцовской любви. Работа вызывает постоянный стресс, требуя все новых и новых умений в стремительно меняющемся мире. Даже на Западе большинство людей несет на усталых плечах ненавистное бремя. В этой

реальности язык западных «харизматических христиан» чужд настоящим людям и может их только оттолкнуть.

Парадоксальным образом церковь пятидесятников вернула меня к исламским корням. Многие места в Евангелии я не понимал. На самом деле именно глубокие, таинственные аспекты Евангелия, совершенно чуждые духовности протестантской церкви, изначально заворожили меня. Однако одно место из Евангелия я понимал, совет познавать древо по его плоду (Мф. 7:20). Если христианство – это то, что представляет собой его западная «харизматическая» ветвь, тогда, следуя логике самого Христа, оно лживо. Встреча с пятидесятниками заставила меня заново оценить ислам.

Однако почему я судил Христа по меркам пятидесятников, а не пятидесятников по меркам Христа? Вскоре я понял, что несправедливо судить Иисуса Христа по меркам тех людей. Я осознал, что мой возврат к исламу – всего лишь реакция на поверхностную духовность западной «харизматической» церкви. Отвращение к пятидесятникам представлялось мне верным, а вот последствие – возвращение к исламу – ошибочным. То, что в церкви пятидесятников нет подлинности и духовной глубины, еще не означает, что истина – в исламе.

Легкость, с которой пятидесятники отвечают на трудные вопросы, поверхностность «харизматического христианства» не лишает Христа истинной глубины. Я по-прежнему видел в евангельском Христе глубокую и таинственную мудрость, которую не находил у пятидесятников. Более того, разве Он сам не сказал: Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное... (Мф. 7:21). Не Его ли это слова: Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие (Мф. 7:22–23)?

Элои, Элои! ламма савахфани?

Господь, прежде бывший для меня проклятием, через пережитый мною внутренний кризис сделался главным в моей жизни. Чтобы моя экзистенциальная агония прекратилась, Бог должен был существовать, а я – отыскать Его. Для внешнего мира я по-прежнему оставался неверующим борцом за социальную справедливость, а в действительности вел другую борьбу – внутреннюю духовную брань.

Время шло, боль усиливалась. Много лет, вплоть до самого крещения, она продолжала меня терзать, все ощутимей и ощутимей проявляясь в теле и душе. Я постепенно дошел до того, что начал физически ощущать зарождающуюся во мне мучительную энергию. Она обратила всю мою жизнь в муку, в тяжелое бремя. Под ее гнетом я не мог радоваться жизни. Когда эта энергия вздымалась в душе, само существование становилось невыносимым. Я чувствовал себя пленником в собственном теле, мне хотелось вырваться, освободиться, но весь мир был слишком мал, чтобы меня вместить. Дошло до того, что из моей жизни полностью ушла радость. Ничто меня не веселило. Я был в тупике.

Напрасно я пытался отвлечься – удовольствия не приносили ни настоящей радости, ни подлинного удовлетворения. Я не жил, а лишь существовал. Я был в разладе с собой, со своей жизнью и с другими людьми, чувствовал глубокое отвращение ко всему на свете. Пребывая в состоянии постоянного недовольства, я переживал экзистенциальные проблемы в глубине своей личности. Смерть постепенно душила меня, а я беспомощно наблюдал за собственной гибелью. Внутренние силы разрушали меня, а я был бессилен им противостоять. Я достиг полного отчаяния.

Губительная энергия вздымалась во мне регулярно. Каждый вечер в определенный час злые силы терзали мое сердце. Я узнавал их телом и душой. Когда это происходило, дыхание становилось частым и затрудненным. На меня нападали беспокойство,

беспричинная тоска, страсть к разрушению. Каждый вечер в определенный час этот дух овладевал мною, причиняя страшные муки. Я не мог сидеть или стоять и вынужден был все время двигаться, но даже в движении не обретал покоя. Шаг за шагом я приближался к полной безнадежности...

Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек! День тот да будет тьмою; да не взыщет его Бог свыше, и да не воссияет над ним свет! Да омрачит его тьма и тень смертная, да обложит его туча, да страшатся его, как палящего зноя! Ночь та, – да обладает ею мрак, да не сочтется она в днях года, да не войдет в число месяцев! О! ночь та – да будет она безлюдна; да не войдет в нее веселье! Да проклянут ее проклинающие день, способные разбудить левиафана! Да померкнут звезды рассвета ее: пусть ждет она света, и он не приходит, и да не увидит она ресниц денницы за то, что не затворила дверей чрева матери моей и не сокрыла горести от очей моих!

Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева? Зачем приняли меня колени? зачем было мне сосать сосцы? Теперь бы лежал я и почивал; спал бы, и мне было бы покойно с царями и советниками земли, которые застраивали для себя пустыни, или с князьями, у которых было золото, и которые наполняли дома свои серебром;

или, как выкидыш сокрытый, я не существовал бы, как младенцы, не увидевшие света (Иов 3:3–16).

Вздохи мои предупреждают хлеб мой, и стоны мои льются, как вода, ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне. Нет мне мира, нет покоя, нет отрады: постигло несчастье (Иов 3:24–26).

В таком состоянии – в большей или меньшей степени – я пребывал до своего крещения. Переживая в себе злую силу, энергию, которая неумолимо терзала меня, лишая радости, мира и счастья, я в отчаянии молил небеса о помощи. Я сознавал, как мал и слаб перед лицом этой силы, и страшился, что она раздавит меня или приведет к катастрофе. Я боялся, что под ее влиянием причиню вред себе или другим. Чувствуя полную беспомощность перед лицом этой силы, я инстинктивно понимал, что нуждаюсь в поддержке свыше. Однако помощь не приходила. Бывали времена полного отчаяния, когда я бросал Богу слова гнева и ярости и от самого сердца взывал о помощи. Иногда по ночам наступало такое беспокойство, что я не мог сидеть дома. Я бродил по улицам Вольды и, не глядя, есть ли рядом другие люди, громко молил Бога избавить меня от мучений. Я не представлял, какой Он, Бог, но знал твердо: Он существует и мог бы помочь мне, если бы захотел. Так почему же Он не хочет? Почему не обращает на меня внимания? Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? (Мк. 15:34).

Знаю, что у меня было трудное прошлое. Я пережил войну, преследования, изгнание. Многие люди делали мне дурное, и сам я делал дурное другим. Оплачивал ли я моральный долг Богу и Его творению своими страданиями? Быть может, я проходил через эту нестерпимую боль, чтобы очиститься от тяжкого бремени греха? Не знаю. Знаю одно: этот груз, этот огромный комплекс пустоты, вины и ярости, был так велик, что подрывал самое мое существование. Я был раздавлен. Кто снимет с меня этот груз? Кто четко ответит мне на вопрос, зачем я рожден в мир? Кто снимет с моей совести колоссальное бремя вины, кто исцелит мою душу от ран?

Да простит меня Бог, что в отчаянии я много раз укорял Его. Я обвинял Его в несправедливости, в том, что Ему приятно видеть мои муки, в том, что Он предал меня, свое создание, бросал Ему упреки в бессилии и безразличии. Часто я ловил себя на том, что на улице кричу Богу по-персидски, не замечая прохожих.

Примерно через год регулярных мучений сила их постепенно ослабла и с моим отъездом из Вольды они сделались менее ощутимой. Однако их духовная власть ощущалась по-прежнему. Собственно, духу и не нужно было проявляться физически, поскольку он и так утвердился во мне: я не находил душевного покоя и не мог радоваться жизни. Я был под гнетом злого духа и чувствовал, что постепенно приближаюсь к своему

концу, что эта боль рано или поздно меня погубит. Я был бессилен ей противиться и мог только взывать о помощи, что и делал.

К пятидесятникам я больше не ходил. Самоуважение не позволяло мне посещать эти собрания. Может быть, я сошел с ума за годы отчаяния, но поверхностным я не был. Их легкие ответы на любые вопросы, их поверхностная духовность, их безличное «Иисус тебя любит» только усиливали мою тоску. Что толку говорить «Все проблемы разрешатся, если принять Иисуса» (как будто Он стоит у моих дверей, и это я Его не впускаю), раз они не могут меня с Ним соединить? Отчего эти «христиане» не видят, что я в муках тянусь к Нему, и уж конечно принял бы Его, если бы Он мне показался? Мне становилось только хуже. Я хотел настоящего лекарства и настоящего наставника, но за два года понял, что у пятидесятников я этого не найду.

Я начал ходить в другие протестантские церкви; некоторое время посещал Свободную евангелическую лютеранскую церковь, потом – Норвежскую евангелическую лютеранскую церковь. Литургически они схожи, хотя Норвежская церковь имеет статус государственной. Я встречал десятки «христиан», но ни один из них не видел, что со мной творится. С кем бы я ни говорил, я слышал одно и то же, непременно одни и те же слова – слова, которые не трогали сердце и не убеждали рассудок. Что «Иисус пришел в мир, потому что Господь увидел, что люди изнемогают под законом и не могут его исполнить».

Что «Господь послал Своего Единородного Сына в мир и принес Его в жертву за наши грехи, чтобы мы могли спастись, не утруждаясь законом». Что «наша вера в Иисуса спасет нас независимо от дел и невзирая на то, как мы грешны и несовершенны». Что «нам нет нужды изнурять себя соблюдением закона или другими тяготами, ибо Иисус раз и навсегда искупил наши грехи». Что «мы должны лишь верить в Него, и одно это нас оправдает». Однако во всех этих словах, независимо от их истинности или ложности, не было ни силы, ни духа, и они ничего не могли мне открыть.

Более того, меня смущало это учение. Оно казалось противоположным тому, чему Христос учит в Евангелии. Он требует не только верить, но и доказывать свою веру делами: Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного (Мф. 7:21); Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое (Мф. 7:24–28). Но что именно мы должны исполнять, если хотим быть истинными христианами? Не допускать даже дурных мыслей! Даже не смотреть на женщину с вожделением! Даже не гневаться на брата! Не говорить никому дурного слова! Более того, любить наших врагов и молиться за них, иначе будем ввержены в геенну (Мф. 5)!

Вопреки мнению протестантов, законы Нового Завета казались мне значительно строже ветхозаветных. Если Христос обращает к нам столь строгие и высокие требования, почему эти христиане представляют спасение простой задачей, к которой можно не прилагать труда? Если трудно было исполнить Ветхий Завет, то Новый представлялся мне совершенно неисполнимым. Почему эти христиане считают, что Христос запросто, без труда «принимает в рай», если Он велел нам быть совершенными, как Сам Бог (Мф. 5:48)? Я чего-то не понял или сами христиане неверно понимают христианство?

Норвежская государственная церковь казалась мне начисто лишенной всякой духовности. Я не видел в ней ни духовного горения, ни человеческого порыва. Проповедь составляет главную часть службы, но в ней говорится больше об этических вопросах, чем о духовных, как будто все христианство состоит в следовании жесткому моральному кодексу.

За свои многолетние скитания по разным протестантским церквям Норвегии я не встретил ни одного христианина, который говорил бы о Христе с духовной убежденностью, по личному опыту. Я видел, что они некрепки даже в собственной вере. Мне их вера представлялась скорее расплывчатой надеждой, нежели твердым убеждением. Разумеется, я сам не знал Иисуса, но из того малого, что знал о Нем, делал вывод, что Он не таков, каким видят Его протестанты. Мне отчаянно хотелось встретить христианина, который с подлинной верой в свои слова объяснил бы мне, кто такой Христос и в чем состоит христианство. Я мечтал, что кто-то покажет мне Христа, исцелит меня от боли и мук, обратится ко мне на подлинном языке Бога.

К лету 1994 года я был сыт по горло статичным и вялым «христианством». Я не мог слышать, как протестанты говорят о Боге. Меня ранила их «доброта», их «первозданная невинность». Легкость, с которой они говорили о Христе, не исцеляла, а ещё больше терзала мою израненную душу. Я готов был уважать их, если бы они просто закрыли рот и дали мне умереть. Для больного, мучимого болью, одно из худших испытаний – негодный врач.

Колледж, в котором я учился, предложил пройти в Греции курс основ философии; без этого курса нельзя было получить диплом ни по одной специальности. Я решил воспользоваться случаем: в Греции можно было и сдать необходимый экзамен, и отдохнуть. Перед поездкой я дал себе клятву: хватит с меня христиан и христианства! Уезжая в Грецию, я оставляю их позади. Довольно! Как гласит персидская пословица, «нет проку рыдать над пустой могилой». Я хотел выбросить христианство из головы, поскольку после встречи с его западной ветвью убедился, что это беспочвенная утопия.

Встреча с Православной Церковью в Греции

В Грецию я попал летом 1994 года вместе с полусотней университетских студентов, среди которых абсолютное большинство составляли норвежцы. Неевропейцев было всего двое – девушка-латиноамериканка и я. Неисповедимы пути Господни. Его Провидением нас поселили в старом византийском монастыре на острове Лесбос у побережья Турции. Мне сказали, что в древние времена женщины на этом острове пользовались большей властью, чем мужчины, и, в частности, сами выбирали себе мужей и возлюбленных. Мне сказали, что тогда на Лесбосе женщинам не возбранялось любить женщин; современное слово «лесбиянка» происходит от названия этого острова.

Монастырь был не действующим, он относился более крупному действующему монастырю в нескольких километрах от этого места. Впрочем, время от времени в маленький монастырь приходили группы паломников, и тогда иеромонах из большого монастыря совершал здесь службу. Митилена, столица острова, сама по себе является местом паломничества православных христиан; она посвящена архангелу Михаилу.

Нас поселили в кельях, где в давние времена православные монахи жили в тишине и молитве. При монастыре была церковь. Едва я переступил ее порог, меня потянуло внутрь как магнитом. Притяжение исходило от множества древних икон Христа и святых на стенах церкви. Они окружили меня благодатью, привлекли мое внимание к новому, неведомому измерению. Я впервые увидел христианскую церковь с иконами; до тех пор я даже не знал, что у христиан бывают иконы. Церковь была сплошь украшена образами Христа и святых. Они составляли такое единство, что я не мог различить, где церковь, а где иконы. Я задумался: почему же икон нет в протестантских и католических церквях?⁸

Понятно, почему ислам отвергает иконы. Если Бог, согласно исламу, безличен и невоплощен, то у Него нет и лица, которое можно изображать; в таком случае иконы и впрямь кощунство. Однако я никогда прежде не задавался вопросом, почему икон нет в протестантизме и католичестве. Если Бог и впрямь действительно воплотился, как

⁸ Мнение автора об отсутствии икон в католических храмах вряд ли возможно признать справедливым.

теоретически верят протестанты и католики, то у Него есть лицо, которое мы видели и которое можно изобразить. Моя душа, ощущавшая себя чужой в самой красивой мечети, в самом великолепном протестантском или католическом храме, внезапно почувствовала, что попала домой. Дух мой взыграл от встречи с Православной Церковью (см.: Лк. 1:41).

Церковка мгновенно стала для меня родной. Как-то я три ночи подряд молился в ней, пока другие студенты спали в своих комнатах. Мне было хорошо в обществе икон. Впервые в своей мучительной духовной жизни я обрел внутренний покой, как будто что-то во мне родилось. Иконы смотрели прямо в глубины моей души. Их безмолвный язык был даже понятнее, чем язык святого Евангелия. Они говорили со мной в молчании, в тишине сообщали душе Благую Весть. Впервые в жизни я чувствовал, что меня видят свыше. Они знали о моих муках и сострадали мне, окутывали меня сочувствием, передаваемым без слов.

Более того, они открывали мне путь в горний мир. Они были как окна в безначальный мир Божества. Я никогда не забуду этих ночей. Иногда я преклонял колени и молился перед алтарем, иногда обходил церковь, целуя все иконы по очереди. Я плакал перед ними, плакал от любви, боли и тоски. Я прикладывался лбом ко лбу Христа и плакал, прикладывался к плечу Богородицы и плакал, прикладывался к ногам Христа и плакал. Я целовал Его руки, ноги, лицо и плакал. Плакал, не понимая отчего – просто не мог сдержать слез. В сердце моем были тоска и боль, но плакал я не столько от тоски, сколько от радости. То, что не мог сказать мне ни один человек и ни один язык, говорили теперь иконы. Они заглянули мне в душу, я ощущал их кроткое и сочувственное прикосновение. Я исцелился, сам не ведая, как. Мое сердце, усталое, ожесточенное злом и болью, наполнилось светом и смирением, хотя я и не понимал, каким образом – знал только, что это исходит от икон. Они коснулись меня на такой глубине, на которую не проникали даже слова Евангелия; они начали действовать во мне там, где остановились слова Писания. Через прикосновение икон я увидел Евангелие в новом свете. Они растолковывали и дополняли таинственные слова Нового Завета формами и красками. Благодаря иконам я воочию услышал голос Христа.

Не могу описать эти ночи, ставшие поворотными в моей жизни. Я, поклявшийся навсегда оставить христианство, был теперь охвачен любовью к нему. Я, считавший христианство выдумкой, ощутил в нем жизнь и мощь. В тишине церковки я почувствовал силу, которой не нашел на шумных собраниях пятидесятников. Я понял нечто очень важное: эта заброшенная православная церковка на краю света гораздо мощнее так называемых христианских церквей, которые я видел на Западе. Была в ней неуловимая подлинность. Ее стены, иконы, атмосфера и таинственная тишина убеждали меня в ее истинности и полноте. Церковь переполняла меня любовью, радостью, но в то же время – страхом и трепетом.

Я впервые понял, что Бог воистину жив, что Он ощутимо действует в этом мире. Я, так отчаянно тянувшийся к Богу, испугался, когда Он меня коснулся. Его прикосновение было исполнено любви, но повергало в страх. То не было страхом в негативном смысле – я не боялся, что Он сделает мне дурное, скорее я остро ощутил Его непостижимость и мощь. В некотором смысле гораздо проще смотреть на Него издалека, верить в Него абстрактно или догматически. Легче справляться с Ним, когда Он «где-то там». Православная Церковь приблизила Его, отразила Его лик непосредственно перед моими глазами, и я испугался. Наши глаза не привыкли смотреть на слепящее солнце в такой близости.

Подступая к Нему, чувствуя, что Он жив и властвует, наполняешься священным трепетом. Православная Церковь, в отличие от западных, реально подвела меня к Богу. Ее таинственная, деятельная живость завораживала и в то же время пугала. Я понимал, что в этой Церкви содержится тайна Бога, что я увижу Его, если сделаю шаг в Его сторону, но боялся в тот момент приближаться к Нему. Говоря словами Библии, в мою первую

встречу с Православной Церковью я встретил Бога во тьме и побоялся подойти к Нему ближе, чтобы не увидеть Его лицом к лицу и не умереть.

В монастыре жил со своей семьей один грек по имени Александр, который присматривал за хозяйством, и в том числе за церковкой: убирался там и время от времени зажигал свечи. Нас сблизило то, что я – с Ближнего Востока, а он некоторое время жил в Египте и сохранил о египтянах много хороших воспоминаний, которые с жаром мне пересказывал.

Однажды, после блаженных ночей, проведенных в церкви, я увидел, что мой знакомый входит в монастырь вместе с православным монахом – видимо, гостем издалека. Александр подозвал меня и познакомил с ним. Оказалось, что монах живет в старом монастыре на Синае, а в Митилену приехал на празднование дня архангела Михаила. С Александром они познакомились в Египте. В тот день Александр поехал в Митилену по монастырским делам, «случайно» встретил монаха на улице, пригласил его к нам в монастырь, и тот согласился.

Монах прожил у нас три дня и вернулся на Синай. Наши с ним беседы в некотором смысле укрепили мое впечатление от Православной Церкви. Он не походил на тех «христиан», которых я встречал раньше. Во всем его существе, в словах и поведении сквозило христианство, в корне отличное от западного. Он без моих слов увидел, как я страдаю и отчего. Подобно иконам, он выказал безмолвное, но глубокое сострадание. Его слова ко мне были исполнены любви, они проникали в сердце и умиротворяли душу. Когда по моей просьбе он заговорил о Христе и христианстве, я почувствовал: он знает, что говорит. Я дивился его словам, потому что еще ни один знакомый мне христианин не говорил, как он. Он учил, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи (Мф. 7:29).

Подобно иконам, монах словно видел мою душу насквозь. Я с жаром принимал его слова. Они были конкретными, личными и по делу. В них была простота и духовность, а не философия и мораль. Он явил мне дух традиции, которой я не встретил на Западе. Он был чист и крепок в вере. Его Бог оказался не таким, как в исламе, а его христианство – не таким, как западное. Иногда он отвечал на мои вопросы раньше, чем я их задавал. Сердце мое с готовностью впитывало речи этого бедного, простого монаха. В них были Жизнь и Дух, сообщавшие им действенность и убедительность. В нескольких словах он научил меня тому, чему протестанты не могли научить за четыре года. Помню, я сказал ему, что почти десять лет искал Бога, не получая ответа, и он ответил: «Значит, ответ может прийти через десять лет!». Я рассказал о своих трудностях на пути к христианству. В ответ он процитировал афонского старца Паисия: «Почему ты ждешь дел Божьих от людей?»

Его мудрость, укорененная в глубокой, духовно уникальной традиции, оказалась на удивление действенной. Этот безвестный и бедный монах стал в моих глазах великим человеком, ибо до тех пор никто не говорил мне о Боге, как он. Я был счастлив, ибо собственными глазами увидел того, кто больше Хафиза, Руми, Аттара и Халладжа.

Его простые слова и манеры заворожали меня своей глубиной. Монах не был ученым, не был университетски образованным человеком, однако он обладал знанием, которое больше учености. Еще больше привлекали черты его лица, обожженного пустынным солнцем, пыль Синая на поношенном монашеском одеянии. Глядя в его черные живые глаза, я вспоминал сияющие звезды летних ночей в Персии.

Через три дня монах вернулся в Синайский монастырь. В знак дружбы он подарил мне кольцо из своей обители. Я попросил адрес на тот случай, если когда-нибудь соберусь навестить его, и он ответил пророчески: «Вот приедешь и найдешь меня!»

Снова в Норвегию

Тогда придите – и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю.

Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли;

если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста Господни говорят (Ис. 1:18–20).

Вернувшись в Норвегию, я понял, что встреча с Православной Церковью по-настоящему перевернула мне душу. Боль ушла, и в душе наступил покой. Я чувствовал себя живым и хотел жить. Вернулась радость бытия, я был счастлив, что существую. Отрицательная энергия вышла из моего тела или утратила активность. Я не ощущал ее, моя душа полностью избавилась от негативного влияния.

Вместо того чтобы оставить христианство, я принял его всей своей душой. Я знал, что по воле Провидения действительно соприкоснулся с истинным христианством. Путешествие в Грецию казалось дивным приключением, сладким сном, еще более сладостным оттого, что я знал – это не сон, а самая настоящая явь. Я прикоснулся к Богу. Я чувствовал, что в Греции и Сам Бог прикоснулся ко мне, и прикосновение это было прекрасно. Ничто в мире не сравнится с прикосновением любви Божией. Оно лечит худший недуг, исцеляет смертельные раны, воскрешает омертвевшую душу. Я понял, что Господь по-отечески приглядывает за мной, и уже одно это стало лекарством для моей истомленной души. У меня появилась сила, чтобы идти дальше. Я мучительно тянулся к Нему из глубины сердца. Теперь я ощутил умиротворение, ибо Господь подал мне знак жизни и милости.

Господь, зная мои возможности, давал мне испытания по силам. Если бы не пережитое в Греции, моя жизнь закончилась бы трагически. Не знаю, что именно могло произойти, но уверен, что стоял на краю. У меня не осталось ни надежды, ни силы, я больше не мог выносить страдание. Мне не хотелось жить такой жизнью, я измучился и устал. Я ничего не хотел, кроме Бога. Не найди я Его следов, не знаю, чем и как бы это кончилось. Возможно, я бы сломался и попал в психиатрическую клинику или же добровольно наложил бы на себя руки.

Господь смиростивился надо мной. Через Грецию Он все обратил мне во благо. Он показал, что жив, любит и сострадает, и сердце мое исполнилось надежды. У меня появились силы, чтобы жить дальше. Я не утратил стремления к Нему, но это стремление, ставшее после Греции еще более сильным, причиняло теперь иную, сладкую боль. Она несла в себе надежду, не опустошала меня, а наполняла энергией. Я по-прежнему стремился к неведомому, но теперь яснее это неведомое представлял и знал путь. Мое стремление к Богу выражалось в тяге к монаху. Монах стал связующим звеном. Когда мне было плохо без Бога, я вспоминал монаха. Во мне пробуждалось все более сильное желание увидеть этого человека. Я плохо его знал, мы общались всего три дня, и тем не менее я скучал по нему, как ни по кому прежде. Будучи беженцем, я постоянно ощущал разлуку с близкими, отчаянно скучал по родителям, братьям, сестрам и друзьями. Богу ведомо, как много и тяжело я страдал вдали от любимых. Однако ни по кому из них я не тосковал так, как по этому малознакомому монаху. Я сам дивился, как такое возможно: мы едва знакомы, но я тоскую по нему всем сердцем. Почему? Что это? Откуда эта тяга? Не сошел ли я с ума? Что со мной не так?

Тоска по монаху мучила меня, но боль была иная, чем прежде. В ней я видел выход из тьмы к свету, она давала надежду и направление, ведь это была тяга к конкретному человеку, которого я видел своими глазами. Все это представлялось очень странным: обретая радость в жизни, я не мог радоваться, потому что был постоянно занят воспоминаниями о греческом монастыре и монахе. Через год я решил отправиться в Египет и разыскать монаха, хотя и не знал, где именно он живет на Синае. В то время я успешно учился в университете. Я понимал, что в Египте могу сделаться монахом и не

вернуться в Норвегию, но был готов на «риск». Я должен был найти монаха и понять, что со мной происходит. Откуда это стремление и куда оно меня ведет? Почему я люблю этого «незнакомца» человека с такой силой и постоянством, и почему мое сердце трепещет от желания снова его увидеть?

В Египет я поехать не смог, так как был беженцем, и мне не дали визу. Обычно Египетское посольство в Норвегии не дает туристическую визу тем жителям страны, у которых нет норвежского гражданства. Мне предстояло целых три года дожидаться гражданства. Я был в отчаянии. Мое сердце разбилось. Кольцо – подарок монаха – стало в моих глазах зримым знаком Божьей любви. Я без него не мог. Оно убеждало меня в любви Божьей и стало для меня самой большой драгоценностью, лучшей частью моего существа. Однажды я заметил, что кольца на пальце нет, и едва не лишился чувств при мысли, что оно потерялось. Когда я отыскал его, душа словно вернулась в тело. Кольцо давало силы, наполняло миром и надеждой, уверяло в Божьей любви. Я так им дорожил, что скорее расстался бы с пальцем, чем с кольцом, которое стало для меня осязаемым символом Божьей любви, связующим звеном между мной и Возлюбленным.

На кольце было выгравировано имя святой Екатерины. В библиотеке я прочел про Синайский монастырь св. Екатерины, узнал, что он стоит у подножия горы Синай, на которой Моисей получил десять заповедей. Кроме того, я прочел все что возможно о самой св. Екатерине. Я знал, что подаренное мне кольцо – из этого монастыря. Меня тянуло поехать туда и снова увидеть монаха.

Шло время. Я старался, как и большинство людей, приспособиться к обыденной жизни. Годы исканий, казавшихся бесплодными, утомили меня. Я прекрасно учился в университете, хорошо вписался в норвежское общество. В 1997 году я с головой окунулся в учебу – настолько, что почти перестал думать о Боге и духовных исканиях. Постепенно я искал Его все меньше и меньше. Бог, столько лет остававшийся моим единственным и главным стремлением, отступил на второй или даже на третий план. Я преуспевал, будущее сулило еще больший успех. Мне льстило то признание, которое я получил в Норвегии.

Мои чувства к Богу остыли. Я время от времени почитывал Евангелие. По-прежнему считая, что протестантизм имеет мало общего с Богом, я постепенно убедил себя, что Церковь Божия включает все христианские церкви, вне зависимости от деноминации, смирившись с тем, что все мы – православные, католики, протестанты – равноценные и единомысленные последователи Христа. Я заглушал голос совести, явственно велевшей мне идти в Православную Церковь, и пытался обмануть самого себя. Я ходил на воскресные службы в Норвежскую церковь, считая ее частью Вселенской Церкви. Так все было «просто», потому что широки врата и просторен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими (Мф. 7:13).

Я пытался служить двум господам, жить в двух мирах, угождать и Богу и мамоне (Мф. 6:24). Еще больше мир затянул меня после того, как я получил престижную работу и сделался «обычным» «нормальным» человеком: говорил о пустяках, не думал о существенном, получал удовольствие от вкусной еды, хорошего вина и комфортабельной жизни, вел научные дискуссии в средствах массовой информации или на встречах с такими же высоколобыми интеллектуалами.

Однако Господь не оставил меня, даже когда я отвернулся от Него. Глубокое духовное стремление не уходило. Чем сильнее я пытался закрыть на это глаза, тем больше чувствовал себя оставленным и преданным злу. Покой оставил меня, и душа снова пришла в смятение. Злая энергия, мучившая меня несколько лет назад, вернулась и проявилась вновь, еще сильнее (см. Мф. 12:43–46). Моя греховность стала для меня осязаемой и очевидной, как никогда прежде. Я понял, что греховен и умру. Именно конкретная, личная направленность этого знания приводила меня в трепет. Я согрешил, я умру. Грех, который я совершил и от которого умру, ощутимо проявлялся во мне. Я был

напуган до смерти. Временами я ощущал себя абсолютно беспомощным перед этой злой силой, не мог ей противостоять и действовал согласно ее воле.

...Я плотян, продан греху. Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Итак я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек!.. (Рим. 7:14–24).

Отступив от меня, Святой Дух показал, как я мерзок и бессилен перед лукавым. Он предал меня в руки врага, чтобы пробудить от губительного неведения. Господь исправил меня, предоставив дьяволу большую власть надо мной. Я понял, как мелок и бессилен перед врагом, если Господь не защитит меня, и что без Господа не могу творить ничего (Ин. 15:5).

Иногда я бродил по Осло для того только чтобы сбежать от себя, перенести внимание с внутреннего на внешнее. Я чувствовал томительное беспокойство и легче ощущал себя в толпе. Однако со временем и это перестало помогать. Помню, как-то летним субботним вечером я шел по центру Осло, как всегда, в смятении и расстройстве, и оказался возле протестантского собора. Я зашел внутрь. В соборе были люди – кажется, они тихо разговаривали между собой; органист играл церковную музыку. Я встал перед скульптурным изображением Тайной Вечери в алтаре и так громко закричал, обращаясь к Христу, что все смолкло. Люди застыли, перестали разговаривать, музыка оборвалась. Все в изумлении смотрели на меня. В полном отчаянии я видел только Бога и гневался на Него. Мне было все равно, что подумают другие. Все мое внимание было направлено на Бога, но Он молчал и не говорил со мной.

Я отчаянно нуждался в Боге, в Его неотложной помощи. Я должен был найти Его, чтобы остаться в живых, потому что переживал страшный кризис. Без Его благодати я бы погиб. Я терял власть над собственной душой. Мне необходимо было разыскать монаха на Синае. В 1997 году я подал прошение о норвежском гражданстве и через несколько месяцев получил его. Теперь можно было собирать вещи и ехать.

В монастыре св. Екатерины на Синае

Четыре года прошло с тех пор, как я встретил монаха в Греции. Все это время у нас с ним не было связи. Я не знал точно, из какого он монастыря, но предполагал, что из Синайского монастыря св. Екатерины, поскольку кольцо было оттуда. Летом 1998 года я решил отправиться туда и разыскать его, если удастся. Я не был уверен, в этом ли он монастыре, и если да, то не окажется ли в отъезде. Я не знал, что ждет меня на Синае, и что будет, если я встречу монаха. Может, я приму постриг и останусь там навсегда. Может, я не найду его и вернусь разочарованным. В голове у меня было множество вопросов и сомнений, но я знал одно: надо ехать несмотря ни на что. Бывают случаи, когда интуитивно чувствуешь: что-то тебя ожидает, и веришь интуиции вопреки всему.

Это был именно тот случай. Я был преисполнен больших надежд и решил ехать. Я чувствовал, что у меня один выход: разыскать монаха. Жить по-прежнему я не мог, пока не найду Бога. Пока я не найду Бога, я не пойму себя и не определю своего места в жизни. Бог загадочным образом стал для меня альфой и омегой. Он проник в мое сердце и занял там лучшее место, стал первой и основной целью без всякого с моей стороны намерения. Так получилось – вот все, что я мог сказать.

Один Бог имел для меня значение, без Него я чувствовал себя никем. Я тосковал по Богу, без Него я был пуст. Я чувствовал себя разделенным, разбитым на куски, чужим даже самому себе. Чтобы жить в мире, радости и гармонии, я должен был отыскать Бога. Без Него никто и ничто не спасло бы меня от трагедии моей жизни. Господь – разрешение моих проблем; я осознавал это сердцем, а не благодаря культуре или традиции.

Монах был «связующим звеном», и я должен был его отыскать. В начале июня 1998 года я позвонил в туристическое агентство в Осло, которое организует чартерные туры в Шарм-аль-шейх, и заказал билет на самолет, который вылетал в четверг 11 июня в час дня с прибытием в Шарм-аль-шейх в семь часов вечера. Билеты должны были прийти по почте. Через неделю пришло письмо из агентства. Меня с сожалением уведомляли, что рейс отменен. Профсоюз авиалиний объявил забастовку, потому что руководство отказалось повысить зарплату и улучшить условия труда.

Я позвонил в агентство и спросил, какие есть варианты. Мне ответили, что можно лететь после окончания забастовки, то есть через две недели, или отменить заказ и забрать деньги. Я страшно расстроился. После стольких лет я решился наконец отправиться на Синай, и тут забастовка! Почему? Есть ли за этим невезением какой-то скрытый смысл? Чего хочет Господь? Отказаться от поездки совсем или подождать две недели? Я знал, что ехать надо, и согласился лететь первым же самолетом после окончания забастовки.

В Шарм-аль-шейх я прилетел в семь часов вечера в четверг 25 июня. До монастыря св. Екатерины надо было ехать на машине часа три-четыре. Я устал после долгого перелета из Осло и нуждался в отдыхе. Можно было переночевать в Шарм-аль-шейхе, но какое-то сильнейшее беспокойство гнало меня ехать немедленно. Мне не терпелось увидеть монаха. Я взял машину до монастыря. Машина была старая, дорога неровная, и путь занял много времени. Всю дорогу сердце мое трепетало, хотя я и не знал, что именно меня ждет. Небо над Синаем было чистое, сияли звезды. В сердце ожил прежний восторг, который они мне когда-то внушали. Однако сейчас, по дороге в монастырь св. Екатерины, я ощущал за звездами что-то еще. Как будто святая Екатерина ехала со мной, указывая путь, принимая меня как гостя в своем доме.

В монастырь я приехал около полуночи. Было темно. Тень горы Синай лежала на монастыре. Я не мог его различить, и только в окрестностях обители горело несколько окон. Дверь одного из домов была открыта. Я вошел. Четверо молодых египтян сидели за столом и разговаривали. Я спросил их, живет ли здесь монах. Оказалось, что жил, но сейчас его нет. Последние два года он регулярно ездил в Грецию. Последний раз он уехал туда десять или одиннадцать месяцев назад и до сих пор не вернулся.

Что мне было делать? Я снял койку в трехместном номере в гостинице рядом с монастырем. В ту ночь я был в номере один. Не могу описать своего огорчения. Я очень устал после долгого пути, но не мог сомкнуть глаз. Монаха здесь нет, какое разочарование! Какая неприятная неожиданность! Я начал вспоминать свою духовную историю, пытаюсь разобраться, что стоит за моим стремлением к Богу. Что это все означает? Не обманываю ли я себя, выдумывая кого-то несуществующего? Вправду ли Бог существует, или же я выдумал его, чтобы спастись от пустоты и скуки? Не сочинил ли я призрака, просто чтобы иметь оправдание для своей жалкой жизни? Если Он есть, то почему монаха нет здесь, при том, что я проделал такой путь и отчаянно в нем нуждаюсь? А если Его нет, то почему я так на Него зол?

Боже, Боже мой, внемли мне! Почему Ты оставил меня? Удаляют меня от спасения грехопадения мои. Боже мой, взываю днем, и не слышишь, в ночи взываю, но не внемлешь Ты, хотя и не греховен зов мой... Я же червь, а не человек, терплю поношения от людей и унижения от народа. Все видевшие меня глумились надо мной, говорили устами, кивали головою: «Уповал он на Господа, так пусть избавит его и спасет его, если угоден Ему!»... Как вода растекаюсь, рассыпались кости мои; стало сердце мое, как воск, тающий в груди моей. Иссохла, будто глиняный сосуд, сила моя, язык мой прилип к гортани моей, и в прах смерти низвел Ты меня... Но Ты, Господи, не лиши меня помощи

Твоей; на защиту мою поспеши... Поведаю имя Твое братьям моим, посреди церкви воспою Тебя. (Пс. 21)

Я прилетел из Норвегии в эту пустыню, только чтобы увидеть монаха, а его тут нет. Что это значит? Я вышел из комнаты и всю ночь бродил в темноте возле монастыря. На заре я разглядел его стены. Монастырь походил на крепость или средневековый город. Я подошел к калитке и стал ждать. Чего? Не знаю. У меня было странное ощущение, будто это место мне знакомо. Каким образом? Да, я понял! Над калиткой была печать монастыря – тот же самый знак, что и на кольце, которое я сберегал у сердца все эти годы, которое так любил и без которого не мыслил свою жизнь; на кольце, которое было связующим звеном между мной и Возлюбленным, залогом личной любви Бога ко мне. Это был тот же самый знак, только гораздо большего размера.

Какое зрелище! Печать над калиткой одного из старейших христианских монастырей! Сердце мое наполнилось несказанной сладостью. Я успокоился, гнев отступил, в сердце проснулись радость и надежда. Все казалось прекрасным приключением. Я ощущал любовь святой Екатерины, как будто я – ее близкий родственник. Я стоял у ворот монастыря и чувствовал себя почетным гостем, как если бы святая пригласила меня. Она показала мне дорогу в свой дворец, а теперь говорит со мной знаками!

Часов в шесть утра калитка отворилась, и вышел монах. Он нес коробку, за ним шел мирянин-араб, тоже с коробкой. Я вгляделся и – о чудо! Это оказался он, тот самый монах, которого я знал! Сердце у меня заколотилось. Не колеблясь, я бросился вперед, окликая его по имени. Он остановился, обернулся, взглянул мне в лицо, но не узнал – возможно, потому что я изменил прическу.

Он спросил, кто я и где мы виделись. «В Каире?» – «Нет, на Лесбосе, в монастыре в Митилене, четыре года назад», – отвечал я. Он явно удивился и, поскольку куда-то торопился, велел мне подождать здесь, сказав, что вернется только ради меня. Час проходил за часом, а он не возвращался. Я проголодался и пошел в трапезную гостиницы поесть. Была уже вторая половина дня. Я горевал, потому что монах не узнал меня с первого взгляда и, даже узнав, не пожелал уделить мне времени. И все равно я был счастлив, потому что он оказался здесь.

Больше я ждать не мог и, подойдя к калитке, послал ему с молодым монахом записку, прося меня принять. Тот вернулся и повел меня в архондарик – небольшой зальчик для приема гостей. На этот раз монах принял меня с распростертыми объятиями. Мы разговаривали примерно полчаса. Он рассказал о себе: что при поддержке одной женщины, с которой обещал меня познакомить, опубликовал книгу, а сейчас они готовят вторую. Потом мы вместе пошли в гостиницу, где остановилась эта женщина с двумя своими детьми.

Евгения была его «духовной дочерью», как это зовется у православных. С первого взгляда я увидел, что это замечательная, очень отзывчивая женщина. Она приветствовала меня тепло и без всякой официальности, как родного брата. Монах ушел, чтобы заняться какими-то своими делами. Евгения спросила, когда я приехал в монастырь. Я ответил, и она в изумлении закивала – они приехали в то же самое время, после того как монах долго пробыл в Греции. Сейчас они собирались взять его немногочисленные пожитки и уехать в Грецию навсегда.

Без сомнений, произошло чудо – других объяснений нет. Спустя четыре года после встречи, без всякой связи и договоренности мы приехали в монастырь одновременно: монах – из Греции, я – из Норвегии! Они собирались в этот же день покинуть монастырь. Не случись забастовки, я бы приехал, как собирался, и разминулся с монахом. Останься я ночевать в Шарм-аль-шейхе, приедь в монастырь всего на день позже, я бы его не застал. Поразительно! Я не мог поверить! Господь позаботился обо всем, даже о мелочах! Он сделал так, чтобы мы не разминулись в тот день.

Он устроил так, чтобы я встретил монаха и Евгению. Я рассказал ей, что хочу креститься, и желал бы, чтобы монах окрестил меня здесь. Евгения объяснила, что монах не рукоположен в священники и не может совершать таинство крещения, кроме того, мне надо подготовиться. Она дала мне свой адрес в Греции и велела писать. Может быть, я смогу окреститься в Греции в ближайшее время.

Потом мы вместе пошли к монаху в келью и помогли ему уложить вещи. У него оказалось много красивых бумажных иконок Христа и Его святых; некоторые Евгения подарила мне. Монах подарил мне прекрасное английское издание Библии и книгу «Лестница Райская» святого Иоанна Лествичника, который в шестом веке был настоятелем этого монастыря.

В тот же день монах и Евгения уехали в Грецию. Я собирался пробыть в монастыре две недели, но чувствовал, что все главное позади. В первый же день я получил от этого святого места больше, чем ожидал. Господь доказал, что заботится обо мне, направляет мои шаги. С Его помощью я нашел правильный путь. Я нашел Его Церковь на земле. Я чувствовал, что знаю Православную Церковь как родную. Я чувствовал, что Церковь любит меня, а я – ее. Она звала меня, как любящая мать зовет свое чадо. Я узнавал ее, как ребенок узнает мать по вкусу живодательного молока. Каким же особенным я себя чувствовал! Как гордился в тот момент!

Вторая ночь в монастыре св. Екатерины решительно отличалась от первой. Вера моя укрепилась, сердце наполнилось надеждой, радостью и благодарностью к Господу. Эту ночь я тоже не мог спать, но по совершенно другой причине. Я понимал, что Бог видит меня. Он заботится обо мне, ведет меня узким путем в жизнь (Мф. 7:14) как пастырь добрый (Ин. 10:7–22). В ту ночь я бродил вокруг монастыря, вознося благодарность Господу. Он доказал, что взирает на меня с милостью. Я больше не заблудшая овца, ибо сам Господь ведет меня. Если я отклонялся с дороги вправо или влево, то слышал позади Его голос, говорящий: Вот путь, иди по нему (Ис. 30:21). Сам Добрый Пастырь положил начало моему спасению. Сердце мое переполнялось радостью. Господь меня любит! Я жив! Я нужен! Я – кто-то! В ту же ночь я вместе с группой паломников и туристов поднимался на гору Синай, где Моисей получил от Бога скрижали Завета. Удивительное впечатление – видеть рассвет с этой святой горы. Здесь были десятки паломников самых разных национальностей, африканцы и европейцы. Я понимал, что для меня честь – оказаться в таком святом месте. Спустившись, я решил совершить небольшое путешествие по Египту – поехал в Каир, а оттуда в Александрию, на родину святой Екатерины. Через неделю я вернулся в Норвегию.

В Грецию, креститься

Из монастыря св. Екатерины я вернулся другим человеком. На сердце было легко и радостно. Я ощущал прилив юношеской энергии. Православие вновь доказало, что содержит полноту жизни, что Христос – воистину живой Бог. Однако то знание Бога, к которому я пришел, было хотя и конкретно-личным, но все же внешним. Словно я узнал Его через Его тень, то есть через Его действия, явленные как события моей жизни. Я по-прежнему не знал Его Самого лично, лицом к лицу. Но чувствовал, что теперь перемены в моей душе гораздо более серьезны, чем при первой встрече с Православной Церковью. Я получил мощное свидетельство того, что Господь видит меня и направляет к Себе, однако моя природа оставалась прежней, греховной. Я по-прежнему нес бремя греха и понимал, что нахожусь во власти тьмы.

Время шло. Я регулярно переписывался с монахом и Евгенией. Они писали, что договорились со священником в афинском районе Халандри, и тот окрестит меня в Рождественский Сочельник 1998 года.

В субботу 29 ноября 1998 года, ровно за десять дней до отъезда в Грецию, я был на службе в греческом православном храме Благовещения в Осло. К моему изумлению, там

крестили младенца. Я очень обрадовался и возблагодарил Христа – для меня это был урок и практическая подготовка к таинству Святого Крещения в Православной Церкви.

Десятого декабря 1998 года я двинулся в путь, и сразу же все пошло не по задуманному. Самолет должен был вылететь из Осло в Цюрих в половине восьмого утра. В Цюрихе мне предстояло сесть на самолет до Афин, вылетающий в десять двадцать пять. В тринадцать пятьдесят пять я был бы в Афинах.

По каким-то техническим причинам наш рейс задерживался. Часа полтора мы сидели в самолете, дожидаясь, когда он взлетит. Было жарко, я изнемогал. Справа и слева от меня сидели здоровенные норвежцы, я был так стиснут, что не мог шевельнуться. Я нервничал, боясь, что опоздаю на самолет до Афин. Наконец я не без труда раскрыл Евангелие на персидском и стал читать. Через полчаса самолет наконец взлетел.

Когда мы прибыли в Цюрих, мой самолет уже улетел. Мне сказали, что я полечу следующим рейсом примерно через два часа. Как раз когда я шел к выходу на посадку, на табло появилось сообщение, что рейс отменяется. Следующего предстояло ждать еще два часа. Когда они почти истекли, нам объявили, что вылет откладывается. Я был зол и вымотан. Примерно за час до объявленного времени я подошел к выходу. В это время там шла посадка на израильский рейс до Тель-Авива. Я сел в кресло и начал читать Евангелие, но вскоре поймал на себе пристальный взгляд какого-то молодого человека. Я сделал вид, что не замечаю, и продолжил чтение. Через некоторое время подошел мужчина постарше, видимо, сотрудник израильской службы безопасности, и стал спрашивать, кто я, откуда, куда направляюсь и почему сижу рядом с выходом на посадку. Я объяснил. Он попросил показать документы и билет. Я был на взводе и едва не сорвался, однако все же взял себя в руки, вежливо ответил ему и показал документы. Он извинился, после чего пожелал счастливого пути и веселого Рождества.

Израильский самолет улетел, на табло зажегся номер нашего рейса. Незадолго до посадки меня попросили по громкоговорителю подойти к сотруднику контрольно-пропускного пункта. Я был в полном изумлении: как будто кто-то хочет нарочно испортить мне поездку в Грецию. Я подошел. Сотрудник, грек, спросил, зачем я лечу в Грецию, надолго ли, и где собираюсь остановиться. Я показал билет и спокойно ответил на вопросы. Он поблагодарил меня, и на этом дело закончилось.

Я вернулся и сел в кресло, издерганный и злой, не понимая, что происходит. Я много путешествовал в своей жизни, но редко встречал столько трудностей в один день, да еще без всякой причины. Я просто не мог поверить в то, что происходит. Мне хотелось проклясть этот день, как вдруг я понял, в чем дело.

В октябре того же года, двумя месяцами раньше, мне приснился кошмар. Я стою в церкви и пытаюсь пройти к алтарю. Очень злой и безобразный человек в длинной ночной рубашке кроваво-красного цвета преграждает мне путь. Он указывает на меня пальцем и с ненавистью кричит: «Не смей вступать в таинство!»

Именно в этом видении я впервые услышал и осознал слово «таинство». В течение нескольких дней я был напуган сном. Слово «таинство» я запомнил и стал выяснять, что оно значит, чтобы понять смысл видения, однако так и не разобрался, что означал мой сон. Сейчас, в цюрихском аэропорту, по-прежнему дожидаясь посадки, я вспомнил свое видение и понял его смысл. Сатана изо всех сил мешает мне креститься, пытается нарушить мои планы, озлобить меня. Я понял, как важно Святое Крещение. Еще я понял, как важен каждый человек во Вселенной и в очах Бога. Осознав, насколько я ценен Богу, я ободрился, злоба и раздражение прошли. Я возликовал в душе. Я ощущал гордость перед дьяволом и смирение перед Богом, который любит меня и заботится обо мне.

Я чувствовал себя сильным и ценным для Бога. Моя твердая решимость стать православным христианином разозлила нечистого. Теперь я понимал, что одержал верх, а нечистый беспомощно и мучительно отбивается. Я могу победить его своей твердой решимостью следовать Богу и принять крещение, и победа останется за мной. Я еще больше укрепился в решимости принять Святое Крещение. Я дивился, испытав на себе,

как союз между Богом и человеком удручает и раздражает нечистого, радовался, видя, как мое «да» на призыв Христа, мое движение к Нему превращают могущественное чудовище в беспомощную и озлобленную тварь.

В Афины я прибыл поздно ночью. Евгения встретила меня в аэропорту. Она не удивилась, услышав про мои трудности, потому что знала о таких реальных проявлениях духовной брани даже и в обыденной жизни. Мы поехали к ней домой, где ее семья приняла меня с бесконечным гостеприимством. Всякое гостеприимство прекрасно, но греческое – еще прекраснее!

11 декабря 1998 года мы с Евгенией поехали в их летний домик в Коринфе, где остановился монах. Это в двух часах езды от Афин. По дороге она рассказала о планах относительно моего крещения. Я буду жить в этом летнем домике, а монах тем временем меня подготовит. Крестить меня будут в Халандри накануне Рождества. Монах предложил, чтобы Евгения стала моей крестной матерью, если мы оба согласны. Она согласилась, к большой моей радости.

Приехали к вечеру. Дом был удивительно хорош – одно из самых красивых мест, какое я видел в жизни. Он был похож на сказочный замок. Его окружают маслины, лимоновые и апельсиновые деревья, а Коринфский залив чуть ниже по склону окружен целой чередой красот.

Монах принял меня с истинно греческим гостеприимством. Однако несмотря на дружелюбие и гостеприимство монаха и Евгении, мной в первый же вечер овладело беспокойство. Оно нарастало. В мыслях моих был разлад, внутренний голос смущал меня множеством вопросов: что ты делаешь здесь, в этом одиноко стоящем доме с малознакомыми людьми? Зачем ты оставил хороших знакомых в этот праздник Рождества и приехал в страну, язык и обычай которой тебе совершенно чужды? Для чего? Чтобы креститься? Зачем искать сложности? Разве нельзя окреститься в Норвежской церкви? Чем она тебе нехороша? Почему ты так несправедлив к Норвегии и ее церкви? Кто ты такой, чтобы отвергать протестантскую церковь?

Ты вышел из совершенно нехристианской среды, и при этом считаешь, что вправе презирать протестантство? Не дерзость ли это с твоей стороны? И чего такого особенного в Православной Церкви? Разве тебя не пугают все эти обряды, мистицизм, умерщвление плоти? А может, именно мистицизм, а не христианство, привлекло тебя к ней? К чему все это учение об умерщвлении плоти? Что в нем христианского? Кто сказал, что в христианстве должны быть мистицизм и аскеза? Христос умер за тебя, достаточно в это верить, и ты спасешься. Все просто и рационально. Не нужно ни аскезы, ни мистицизма. Даже и креститься не обязательно, потому что спасает вера. Так за истиной ли ты пришел в эту Церковь? Зачем усложнять себе жизнь? Почему не покреститься в протестантской церкви в Норвегии, где тебе знакомы и культура, и обстановка? Что с тобой? Ты окончательно сошел с ума?

Время шло, голос сомнений креп. В воскресенье, 13 декабря, часов в семь утра мы пошли на Божественную литургию в коринфскую церковь св. Димитрия. Литургия в Православной Церкви длится обычно часа полтора-два. Она представляет собой длинную молитву и включает чтение отрывков из Посланий и Евангелия. Ее кульминация – участие присутствующих православных христиан в таинстве святой Евхаристии, то есть Тела и Крови Господа Иисуса Христа. День был холодный, в церкви не топили. В соответствии с православным обычаем почти всю службу пришлось стоять на ногах. Я страшно замерз и устал, кроме того, почти ничего не понял, потому что служили на греческом языке. Я был в смятении и думал:

«Что со мной не так, Господи? Почему я вечно оказываюсь исключением? Посмотри на эту церковь и тех, кто стоит вокруг. Все они греки, выросли в этой стране, живут по соседству, воспитаны в православии. Они пришли на службу в местную церковь. Вероятно, они ходят сюда с детства и понимают каждое слово – ведь это их родной язык. И вот я! Чужак, иранец, приехавший из Норвегии, чтобы креститься в Православной

Церкви! Я не говорю по-гречески, не понимаю ни одного слова, которое здесь звучит. Я устал всегда и везде быть чужаком. Посмотри на меня, Господи, я страдаю. Довольно я страдал. Когда мои страдания закончатся, Господи?»

Доколе, Господи?.. Не забудь меня до конца! Доколе будешь отвращать лицо Твое от меня? Доколе заключать мне помыслы в душе моей, печали в сердце моем день и ночь? Доколе возноситься врагу моему надо мной? Воззри, услышь меня, Господи Боже мой! Просвети очи мои, да не усну сном смерти! Да не скажет враг мой: «Превозмог я его!» Гонители мои возрадуются, если я поколеблюсь. Я же на милость Твою уповаю: возрадуется сердце мое, когда спасешь Ты меня. Воспою Господа, сотворившего мне благо, пою имя Господа Всевышнего (Пс. 12:2–6).

Служба закончилась, мы вышли из церкви, сели в машину и поехали назад в летний домик. Я был в смятении и молчал, вопрошая себя в мыслях. Евгения собиралась ехать в Афины к семье. Когда мы приехали в домик, Евгения и монах сказали, что, как им кажется, Господь обратился ко мне через тот отрывок из Евангелия, который читали во время службы. Это было Евангелие от Луки. Я заинтересовался и начал читать по персидскому Евангелию:

Услышав это, некто из возлежащих с Ним сказал Ему: блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божиим! Он же сказал ему: один человек сделал большой ужин и звал многих, и когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званым: идите, ибо уже всё готово. И начали все, как бы сговорившись, извиняться. Первый сказал ему: я купил землю и мне нужно пойти посмотреть ее; прошу тебя, извини меня. Другой сказал: я купил пять пар волов и иду испытать их; прошу тебя, извини меня. Третий сказал: я женился и потому не могу придти. И, возвратившись, раб тот донес о сем господину своему. Тогда, разгневавшись, хозяин дома сказал рабу своему: пойди скорее по улицам и переулкам города и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых. И сказал раб: господин! исполнено, как приказал ты, и еще есть место. Господин сказал рабу: пойди по дорогам и изгородям и убеди придти, чтобы наполнился дом мой. Ибо сказываю вам, что никто из тех званых не вкусит моего ужина... (Лк. 14:15–24).

Мог ли я в это поверить? В то, что Господь говорил со мной в церкви? С какой стати? Сколько раз пятидесятники говорили, будто Господь сообщает мне то или другое, но ничего не менялось! С какой стати мне верить на этот раз? Быть может, то, что говорят мне эти православные, такое же пустое сотрясение воздуха, как и уверения «харизматиков». Какие доказательства они мне представили? Я был в таком смятении от этих мыслей, что подумывал в тот же день вернуться в Норвегию. Монах ушел отдохнуть в свою келью, которая располагалась в нескольких сотнях метров от дома. Евгения увидела, что я расстроен, и спросила, в чем дело. Я рассказал о своих сомнениях, и добавил, что сильно сомневаюсь, надо ли мне креститься в православии. Я сказал:

«Господь Сам говорит: Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят (Мф. 7:7–8). Я стучал в Его дверь, почему Он не отворил? Я стремился к Нему годами, почему Он не появился? Я рыдал, умоляя Его прийти на помощь, почему Он не ответил на мои молитвы? Может, Он считает меня недостойным? Если он – живой Бог, говоривший с пророками, почему Он не говорит со мной? Неужто я должен быть велик и совершен, как Моисей, чтобы Он до меня снизошел?»

Евгения ответила в самую точку, пророчески сказав: «А кто, по-твоему, был Моисей? Он даже человека убил! Господь пришел к нему, потому что Господь так пожелал, и потому что Он видел, что Моисей в нужном духовном состоянии, а не потому, что он был великий человек. Это потом по Божьей милости он сделался великим человеком». Она продолжала: «Крепись! Не думай, что лукавый будет спокойно смотреть, как ты приближаешься к Христу. Он будет всячески тебе мешать, потому что ему еще досаднее, когда к Богу приходит человек, воспитанный в совершенно других традициях. Не теряй веры и мужества!»

Слова Евгении наполнили меня любовью и Святым Духом. Они успокоили мятущееся сердце, придали мне мужества. От осуждения Бога я перешел к раскаянию. Кто я, чтобы судить Его, приведшего меня в это место? Неужели то, что я в Коринфе, с этим православным монахом и этой ангельской женщиной, не чудо и не знак Божьей любви? Как смею я, грешный и недостойный, обвинять Бога в безразличии? Как смею требовать, чтобы Всемогущий Господь явился мне, как Моисею?

Евгения пошла сказать монаху о моих переживаниях, потому заглянула попрощаться и отправилась в Афины. Она уехала, а монах оставался у себя. Было темно и холодно. Я сидел в доме один, поближе к очагу, и страдал. Потом я начал читать книгу, которую подарил мне монах, сочинение отца Софрония, русского подвижника на Афоне. Книга была с дарственной надписью покойного отца Софрония монаху.

Я знаю немного книг, пронизанных таким духовным горением, и настолько глубоко свидетельствующих о христианстве. Она отражает труд духовного исполина, человека, каких в наше время исключительно мало. Его слова, исполненные Святого Духа, прямиком входили в сердце и согревали его огнем Божиим. Чем дальше я читал, тем сильнее согревалось и умилялось мое сердце. Никогда не испытывал я такого смирения. Смирение исходило не от меня, а от прикосновения Святого Духа через живые слова отца Софрония. Я чувствовал, что это человек очень мне близок, как будто он пишет специально для меня, изо всех сил стараясь, чтобы я понял, как будто он рядом и молится обо мне и за меня своими словами.

Я и не заметил, как во мне начал действовать Святой Дух. Я, я сам осознавал свою греховность. Моя душа каялась. Не рассудок убеждал меня в моей греховности; я всем своим существом осознавал свое покаяние. Раскаяние было не действием, а состоянием. Я каялся, потому что Дух показал мне реальность, не доступную обычному искаженному человеческому взору (см. Мф. 17:2). Святой Дух очистил мои очи, и я словно видел трагедию человечества через себя самого, ибо светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то всё тело твоё будет темно (Мф. 6:22–23). Я отчаянно нуждался в Его защите. Душа молила о Его любви. Сердце умилялось как никогда прежде. Я испытывал умиротворение и в то же время всем существом стыдился перед лицом незримого Бога. Я чувствовал себя последним нищим, псом, который дожидается крох с господского стола (Мф. 15:26–27), мне хотелось, чтобы Он удостоил меня, несчастного, хотя бы одним милостивым взглядом.

Потом пришел монах и сел рядом. Мы проговорили несколько часов. Я рассказал о своем отчаянии, о сомнениях, о том, как я стыжусь своей неблагодарности к Богу. Монах утешил меня. Он напомнил, каким чудесным образом мы встретились в Греции и на Синае, и велел никогда не сомневаться, что благодать Божия действует во мне, чтобы соединить меня с Его Церковью. Я сказал, что нуждаюсь в явном знаке Его любви, чтобы искренне уверовать, и что много лет молюсь о такой вере: «Может, Он не отвечает, потому что я неправильно молюсь?».

Монах ушел к себе и вернулся минут через десять. Он принес мне веревочные четки и показал, как пользоваться ими, чтобы сосредоточиться, когда читаешь Иисусову молитву. Он даже попытался перевести эту молитву с греческого на английский, но я ее знал, потому что перед самым отъездом в Грецию читал выдержки из «Добротолюбия» в норвежском переводе.

Потом монах пожелал мне спокойной ночи и ушел к себе. Я остался один у камина. Над ним висела прекрасная икона Божьей Матери с Христом-младенцем в Неопалимой Купине (Исх. 3:2). После полуночи я начал медленно молиться, перебирая четки:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.

Предчувствие Царствия

Господь приблизился ко мне
Возлюбленный, по которому я так тосковал
к Которому стремилась душа моя
Господь навестил меня
Возлюбленный стоял здесь
Стучал в двери сердца моего
испрашивал дозволения войти
Великий Царь
Податель Жизни, Творец всего
стоял у двери сердца моего
прося дозволения войти!
О, смирение неизреченное!
Высочайший, величайший
прекраснейший из царей
просил моего сердца
чтобы сделать его Своим тронном
Он хотел царить здесь и отсюда
Он просил у меня то, что Его изначально
Он хотел, чтобы я сам отдал свое сердце
Он требовал своего, не ущемляя меня
Добрый и щедрый Царь
ждал моего земного сердца
Чтобы взамен дать мне Своего Духа
Чтобы разделить со мною величье
за мое сердце, сердце человеческого существа
которое Он возлюбил больше
всего Творения
Он предлагал мне жизнь, вечную жизнь
если я отдам Ему смертное сердце
и в Нем я не умру
АЗ ЕСМЬ СУЩИЙ (Исх. 3:14)
хотел явить Себя мне
в Лицах, что скрывает Ветхий Завет
Я не устоял перед такой красотой
не устоял перед несказанной милостью
не устоял перед щедрой благостью
Я впустил его, и Он вошел, как царь
Победителем в сердце мое вступил
милостивым в Своем торжестве
И тихо двинулся через меня
стараясь не напугать меня
И меня всего окутала Любовь
Любовь охватила меня всего
Он был со мной и без меня
Он был во мне и вовне
Я был в Нем, не вовне
Я был с Ним, не без Него
Он поведал любовь к моему существу
каждой клеточке моего существа
С душой Он говорил на языке души

С костями – на языке костей
С кровью – на языке крови
С кожей – на ее языке
Я весь был внутри Него
Несотворенной Своей рукой
Он касался тварного моего существа
Обнимал меня Духом Своим Святым
Посетил каждый закуток души
и вымел оттуда все, что не Его
Садовник обихаживает свой сад
Насаживает розы, поливает те, что уже есть
но сорную, дурную траву выбрасывает вон
Это Он говорил, когда мы были наедине
Я лишь слушал
Он был женихом
Я – невестой
Он рассказал, какую боль нес так долго из-за меня
все те годы, что мы были разлучены
Я видел, как Он истомился по мне
как Он стремился ко мне
как Он всегда любил меня
как страдал, пока мы были разлучены
Он любил меня больше, чем я – Его
Алкал меня больше, чем я – Его
стремился сильнее, чем я к Нему
Он плакал от любви, и я с Ним
Он плакал от радости, и я с Ним
Я видел Любимого в Духе
Он был Один, но Три
Один в Трех, Три в Одном
Отец и Сын и Святой Дух
Три Лица в одном Естестве
Три Лица, но Один в Любви
Каждое изливало мне любовь других
Каждое сообщало имя других
В Духе чрез Сына я принял любовь Отца
В Нем я был в Церкви, в Церкви святой
В Его Церкви я был в Нем
В Церкви я был Его телом, Его церковью
Добрый Пастырь не бросил меня
когда отыскал
Он в Церковь святую привел меня
в нем я – в Церкви Его святой
в Церкви христианином стал
Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко,
по глаголу Твоему с миром.
Яко видеста очи мои спасение Твое
еже уготовал еси пред лицом всех людей,
свет во откровение языков
и славу людей Твоих Израиля! (Лк. 2:29–33)
Внезапно я как будто взлетел
словно голубь, возвращающийся в гнездо

и вот я в небе над синайским монастырем
словно голубь, созерцаю его с высоты
О, Христова невеста, Святая Екатерина
что доброго совершил я тебе
что ты так милостива ко мне?
не могу припомнить ничего!
Господь оставил меня
не сразу, не насовсем
Он царской печатью запечатал сердце мое
оставил в моем сердце залог
ни одна сила не ступит в него
не воцарится там никогда
Я знаю, что не умру
Ибо Он разделил со мной Свою жизнь
не умру, даже когда умру
покуда я пребываю в Нем.

На следующее утро я проснулся под дивное пение птиц. Я чувствовал себя царем, которому принадлежит вся Вселенная. Все засияло новыми красками, все радовало – солнце, воздух, море, птицы, деревья, незнакомые люди. Во всем я видел Христа, Его красоту. Я смотрел на солнце над Коринфским заливом и радовался при мысли, что Создатель всей этой красоты – мой личный Друг. Я видел, что все хорошо весьма (Быт. 1:31).

Было около восьми утра. Я побежал к монаху и разбудил его. Он взглянул на меня и сказал: «По твоему лицу я вижу: с тобой произошло что-то особенное!». Теперь я любил монаха еще сильнее, чем прежде, ведь он – друг моего возлюбленного Друга, слуга того же Господина, которому я хочу служить. Мои личные отношения с Богом привели к тому, что у нас с монахом укрепилась духовная связь. Кроме того, я очень привязался к Евгении. Сердце мое трепетало при мысли о крещении. Я стремился к нему всем сердцем моим, и всею душою моею, и всею крепостию моею, и всем разумением моим (Лк. 10:27).

Однако и теперь лукавый по-прежнему смущал меня. У него было время отвратить меня от единения с Христом, поскольку я еще не покрестился. Вновь я вспомнил ужасное видение, которое было у меня за три месяца до этого – разъяренный человек, который кричал: «Не смей вступать в таинство!». Сон ужасно пугал меня, я понимал только, что он связан с моим желанием креститься.

Теперь, за девять дней до крещения я остался один в доме. Переживания прошлой ночи представлялись настолько невероятными, что я был склонен считать их сном. В ту ночь я ощутил присутствие дьявола настолько отчетливо, что мне казалось: в любую минуту он может физически появиться перед моими глазами. Я знал, что беспомощен против него, и единственная моя защита – крепче прилепиться к Спасителю Иисусу Христу. Поэтому я сосредоточился на Его святом имени и твердил Иисусову Молитву на родном языке: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.

К этому времени я привык молиться по ночам. В целом мире для меня не было ничего слаще молитвы. Весь день я мечтал, что наступит ночь, и я смогу молиться в тиши. Ровно за неделю до крещения на меня вновь напал дьявол. Я начал читать Иисусову молитву и как только дошел до слов «Сыне Божий», услышал внутри себя ехидный смех и насмешливый голос, который произнес: «С каких это пор у Бога есть сын?». Я снова и снова повторял молитву, даже вспотел от попытки сосредоточиться, но стоило дойти до слов «Сыне Божий», как внутри раздавался тот же издевательский голос. Я был перепуган до смерти, хотя телом и душой не сомневался, что Иисус – едиnorodный Сын Божий. Как же может во мне звучать кощунственный голос против моего Господа и Спасителя, Которого я люблю всем сердцем? Чей он? Мой? Как он может быть моим? А если не мой,

то чей же и почему говорит во мне? Что это значит? Я обливался потом и трепетал от стыда и страха перед Господом Иисусом Христом.

Я понял, что со мной происходит. Духовный враг напал, используя в качестве оружия мое воспитание, надеясь таким образом выиграть бой перед самым моим крещением. Я вырос в религиозной традиции, которая категорически отвергает Святую Троицу: «О обладатели писания! Не излишествуйте в вашей религии и не говорите против Аллаха ничего, кроме истины. Ведь Мессия, Иса, сын Марйам, – только посланник Аллаха и Его слово, которое Он бросил Марйам, и дух Его. Веруйте же в Аллаха и Его посланников и не говорите – три! Удержитесь, это – лучшее для вас, Поистине, Аллах – только единый Бог. Достохвальнее Он того, чтобы у Него был ребенок. Ему – то, что в небесах, и то, что на земле. Довольно Аллаха как поручителя! (Коран, 4:169).

Ислам считает, что Иисус недостоин быть даже рабом Аллаха (Коран, 4:171). Согласно Корану, «Иса пред Аллахом подобен Адаму: Он создал его из праха, потом сказал ему: “Будь!” – и он стал» (Коран, 3:52). Воспитанный в такой религиозной культуре, я привык думать о Боге как монистическом существе, неразличимом в Лицах. Представление о Боге как о Лицах совершенно чуждо исламской традиции. Ислам отвергает Святую Троицу. «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Скажи: “Он – Аллах – един, Аллах, вечный; не родил и не был рожден, и не был Ему равным ни один!”» (Коран, сура 112). Этот стих каждый молящийся мусульманин повторяет семнадцать раз на дню.

Духовный враг пытался подорвать мою веру через моё воспитание. Господь попустил ему, потому что я должен был пройти этот искуc, чтобы укрепиться в вере. Я должен был выдержать духовную брань. Много ночей я боролся в молитве, а потом признался монаху. Тот подтвердил, что голос и впрямь принадлежит дьяволу. Он сказал, чтобы я успокоился, потому что голос не мой, а дьявола, и значит, на дьяволе лежит вина за кощунство. Цель дьявола – смутить меня, чтобы я поверил, будто голос мой, и вина на мне. Так он надеялся повредить моей душе, ввергнуть меня в духовное отчаяние. Монах успокоил меня, сказав, что такие дьявольские уловки хорошо известны православным христианам. Он рассказал много историй о подвижниках, которые подвергались сходным искушениям. Надо упорно молиться, и голос исчезнет. И впрямь, после того, как я рассказал об этом монаху, голос оставил меня и больше не возвращался.

В монастыре св. Ефрема под Афинами

В воскресенье, 20 декабря 1998 года, часов в семь вечера, мы с Евгенией и ее сыном посетили монастырь св. Ефрема примерно в двух часах езды от Афин. При монастыре есть маленькая церковь с дивными древними иконами. Возле мощей св. Ефрема мы увидели одержимую, она кричала и плевала на раку святого. Первый раз я видел бесноватость. Горько и страшно было видеть, как бедная женщина страдает от бесов.

Мы попросили монахинь отвести нас к старой настоятельнице монастыря, матери Макарии, потому что хотели получить ее благословение. Нам ответили, что это сложно, потому что настоятельница сейчас болеет, и врач запретил ей принимать посетителей. Через некоторое время к нам вышла ее келейница и сказала, что мать Макария нас примет. Мы обрадовались.

Молодая монахиня провела нас в келью к старой больной настоятельнице. Та сидела на постели, ожидая нас. Едва мы вошли, как пожилой человек, врач настоятельницы, подошел и спросил, не араб ли я, не мусульманин ли по воспитанию и не собираюсь ли в скором времени креститься. Евгения подтвердила, что все это так. Тогда тот сказал, что видел св. Ефрема в видении. Святой якобы сказал ему, что скоро в мире произойдет великое событие, о котором будут знать лишь двенадцать человек. Сам врач –

первый из двенадцати избранных, мать Макария – вторая, и так далее. Последний, двенадцатый – некий человек арабского или мусульманского происхождения. Врач уверял, что святой точно назвал время, когда этот человек придет – именно то время, когда появились мы. Мать Макария кивком подтвердила его рассказ. Врач спросил, когда и где, в какой именно церкви, меня будут крестить. Он обещал принести письмо с подробностями «великого события» на крестины и предупредил, что это письмо нельзя будет никому показывать, даже духовному отцу. Я один могу его вскрыть и прочесть.

Сознаюсь, вся эта история с «великим событием», и то, что я один из двенадцати «избранных», сильно мне польстила. Я так и раздулся от тщеславия, хотя и разыгрывал смирение. В то же время я был напуган, потому что в глубине сердца не доверял услышанному.

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.

Мое смирение – не Твое смирение
ибо Мои мысли – не ваши мысли,
ни ваши пути – пути Мои (Ис. 55:8).

Да раздеру я сердце свое,
а не одежды (Иоиль 2:13)

пусть не тон мой,
а содержимое сердца
докажет мои смирение.

Научи мой глупый рассудок истинному смирению

Очисти от тщеславия сердце
да громко возвещу в собрании людей
истинную веру в Тебя

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.

Не по тому, как низко склоняется моя голова
но по тому, сколь я смиренен в сердце

Ты судишь мое смирение
Помоги мне смириться в духе

наитием Твоего Духа
дай мне идти с поднятой головой

с гордостью за веру в Тебя
да громким голосом говорю
в собрании людей

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.

Временами сердце мое наполняется тщеславием
а я изображаю смирение притворной улыбкой
и лицемерно понижаю голос

Господи, спаси меня от ложного смирения и ложного благочестия

Научи меня истинному смирению
ибо я глуп и не понимаю

даже когда думаю, что понимаю
в чем состоит истинное смирение

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.

Без Тебя не могу творить ничего

Только наитие Твоего Духа
учит истинному смирению

Научи меня не путать смирение с лицемерием
ибо смирение не действие тела

но настрой и состояние души
Дай мне познать истинное смирение
в православной вере в Тебя

чтобы я говорил с поднятой головой
громко говорил
в собрании людей

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.

Получив благословение матери Макарии, мы вернулись в Афины. Когда мы рассказали монаху всю эту историю и спросили его совета, он воспринял все это с большим сомнением. Особенно подозрительными ему показались слова о том, что никто, кроме меня, не должен читать письмо. Он сказал, что скорее всего это уловка дьявола, с тем чтобы помешать моему крещению. Господь попустил дьяволу искусить меня, чтобы я увидел, как легко можно возгордиться и сбиться с пути. Всегда надо быть начеку, ибо уловки дьявола многочисленны и разнообразны. Монах сказал, что лучше ему самому взять и прочесть письмо, если врач его все-таки принесет. Я всей душой стремился к Святому Крещению, и мне стало страшно, что дьявол помешает таинству.

В воскресенье, 20 января 1998 года, мы были на литургии в церкви, в которой мне предстояло креститься через четыре дня. После службы Евгения познакомила меня со священником. Это оказался пожилой человек с очень приятным лицом и ласковым голосом. Он сказал, что вечером в церкви будут крестить албанца, и пригласил нас посмотреть. Мы обрадовались, что для меня это будет практическим знакомством с православным крещением.

К пяти часам вечера мы пришли в церковь. К нашему изумлению, албанца крестили в маленькой купели, в которую он не мог погрузиться. Он сидел в купели, и воду лили ему на голову. Сейчас в Греческой Православной Церкви крестят по преимуществу младенцев, и большой купели для взрослых в храме попросту не было. Крещение прошло не так, как я ожидал. За месяц до поездки в Грецию я читал в книге епископа Каллиста (Уэра) «Православное богослужение», что крестят троекратным полным погружением в освященную воду. Однако албанца крестили без погружения, потому что купель была для него слишком мала. Я был разочарован, Евгения тоже не ожидала такого. Она огорчилась, что даже в Греции постепенно отходят от святой традиции в том, что касается таинств.

Таинство крещения означает вступление в Церковь Христову. Через крещение человек становится членом Церкви, то есть Христова Тела. Это условие для того, чтобы участвовать в других церковных таинствах, а значит, должно проводиться в соответствии с традицией, явленной Православной Церкви Святым Духом.

Когда албанца окрестили, мы вежливо поведали священнику о своих переживаниях. Евгения сказала, что я приехал из самой Норвегии, чтобы креститься по православному обычаю. Священник не имел ничего против нашего желания, затруднение было одно – в церкви нет большой купели. Евгения пообещала ее заказать и к моему крещению доставить в церковь. Священник согласился.

Мы считаем, что Божественное Провидение дало нам случай увидеть крещение взрослого в этом храме, чтобы мы успели принять необходимые меры, и мое крещение совершилось без отступления от традиции Церкви.

Мое крещение

...Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие (Ин. 3:5).

Мы пришли в церковь около пяти часов в Рождественский Сочельник 1998 года. Большую купель, которую заказала Евгения, поставили в маленьком приделе, и дьякон наполнил ее на треть. Я видел, что воды недостаточно для полного погружения, и поделился с Евгенией своей тревогой. Та согласилась и сказала монаху. Монах попросил дьякона налить еще воды в купель. Дьякон явно не хотел утруждаться, но отказать не мог и выполнил просьбу. Монах шутливо сказал, чтобы я постарался полностью погрузиться в

воду: «Осторожней! Дьявол будет рядом и постарается войти в тебя через ту часть тела, которую не скроет святая вода!»

Народу собралось совсем немного: монах, Евгения, ее семья и еще несколько человек, которым любопытно было посмотреть, как крестят взрослого. Меня переполняли радость и ожидание. Это мое крещение, мой величайший праздник! Я на брачном пиру, жду встречи с Возлюбленным Женихом. Христос – мой жених, только подумать! Я соединюсь с самим Богом. Словами не описать моей радости и предвкушения. Еще я боялся, как бы что-нибудь не помешало мне креститься. Я готов был умереть, лишь бы совершилось таинство. Мне вспоминался врач, который обещал прийти и принести мне письмо якобы от святого Ефрема. Я всем сердцем молился, чтобы Господь провел меня через святое таинство.

Крещение, согласно православной традиции, началось с сотворения оглашенного. Священник дунул мне в лицо и трижды осенил крестом мои лоб и грудь, говоря всякий раз «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», потом возложил мне руку на голову и стал молиться: «О имени Твоем, Господи Боже истины и едиnorodного Твоего Сына и Святого Твоего Духа, возлагаю руку мою на раба Твоего Хризостома, сподобльшагося прибегнути ко святому имени Твоему, и под кровом крил Твоих сохранитися. Отстави от него ветхую оную прелесть, и исполни его еже в Тя веры, и надежды, и любви: да разумеет, яко Ты еси един Бог истинный, и едиnorodный Твой сын, Господь наш Иисус Христос, и Святыи Твой Дух. Дажь ему во всех заповедех Твоих ходити, и угодная Тебе сохранить: яко аще сотворит сия человек, жив будет в них. Напиши его в книзе жизни Твоей, соедини его стаду наследия Твоего: да прославится имя Твое святое в нем и возлюбленного Твоего Сына, Господа же нашего Иисуса Христа, и животворящего Твоего Духа. Да будут очи Твои взирающе на него милостию выну, и уши Твои еже услышати глас моления его. Возвесели его в делех руку его, и во всяком роде его: да известится Тебе покланяся и славяи имя Твое великое и вышнее, и восхвалит Тя выну вся дни живота своего. Тя бо поют вся силы небесныя: и Твоя есть слава Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков, аминь»⁹.

Потом священник совершил три запрещения, произнеся: «Запрещает тебе, диаволе, Господь пришедый в мир, и вселивыйся в человецех, да разрушит твое мучительство, и человеки измет: иже на древе сопротивныя силы победи... Иже разруши смертию смерть, и упраздни имущаго державу смерти, сиесть тебе, диавола. Запрещаю тебе Богом... Запрещен буди. Оным убо тебе запрещаю ходившим яко по суху на плещу морскую, и запретившим бури ветров: Егоже зрение сушит бездны, и прещение растаявает горы: Той бо и ныне запрещает тебе нами. Убойся, изыди, и отступи от создания сего, и да не возвратишия, ниже утаишия в нем, ниже да срящеши его, или действуеши, ни в нощи, ни во дни, или в часе, или в полудне: но отъиди в свой тартар даже до уготованного дня судного... Бог святыи, страшный и славный во всех делех и крепости Своей, непостижимый и неизследимый сый, Той предопределивый тебе, диаволе, вечныя муки томление, нами недостойными Его рабы повелевает тебе, и всей споспешней тебе силе, отступити от новозапечатанного именем Господа нашего Иисуса Христа, истинного Бога нашего...».

В сердце моем была одна мысль – о Христе. Все, кроме Бога, утратило всякое значение. Душа моя воспарила. Я преображался в нового человека.

Далее священник спросил трижды: «Отрицаешься ли ты сатаны, и всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его, и всея гордыни его?», и всякий раз я отвечал: «Отрицаюся». После этого он спросил трижды: «Отреклся ли еси сатаны?», и я трижды ответил: «Отрекхся». Потом священник велел нам с крестной повернуться лицом на восток, к алтарю и трижды спросил: «Сочетаваешься ли Христу?» Я отвечал: «Сочетаваюсь». Священник добавил: «И веруеши ли Ему?», и я ответил: «Верую». После

⁹ Требник, Молитва во еже сотворити оглашенного.

этого мы с крестной поклонились Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Троице единосущной и нераздельной.

После молитвы, завершающей сотворение оглашенного, священник приступил к таинству крещения. Он покадил алтарю и купели, встал перед алтарем, поднял Евангелие и произнес длинную молитву, в которой просил содейть его достойным совершению таинства крещения. Затем правой рукой трижды начертал на воде в купели крест, прося Святого Духа сойти на воду и осветить ее, говоря: «Ты убо, человеколюбче Царю, прииди и ныне наитием Святаго Твоего Духа, и освяти воду сию»¹⁰. Потом трижды дуновением начертал на воде крест, говоря всякий раз: «Да сокрушатся под знамением образа креста Твоего вся сопротивныя силы». Потом я надел белую крестильную рубаху, которую сшила мне крестная. Священник благословил бутылку чистого оливкового масла (елея), которую держала крестная – она стояла с северной стороны купели – и, взяв у нее бутылку, трижды налил в воду немного елея, так же в виде креста. После этого он тремя пальцами правой руки взял у крестной с ладони немного елея и помазал мне лоб, подбородок, щеки, ноздри, уши, рот, грудь, ноги, стопы, руки и спину. Затем крестная помазала меня, излив елей на все мое тело. После помазания меня крестили троекратным погружением в святую воду: первый раз «во имя Отца», второй – «во имя Сына» и третий «во имя Святого Духа».

В Православной Церкви сразу после крещения совершается таинство миропомазания. В крещении человек умирает и воскресает с Христом. В миропомазании он получает печать дара Духа Святого. После погружения в святую воду священник миропомазал меня, начертав святым миром образ креста на тех же местах, где мазал елеем. Он прочел молитву: «Благословен еси, Господи Боже Вседержителю, источниче благих, солнце правды, возсиявый сущим во тьме свет спасения, явлением едиnorodного Твоего Сына, и Бога нашего; и даровавый нам недостойным блаженное очищение во святей воде, и божественное освящение в животворящем помазании; иже и ныне благоволивый паки родити раба Твоего новопросвященного водою и духом, и вольных и невольных грехов оставление тому даровавый. Сам Владыко Всецарю благоутробне, даруй тому и печать дара Святаго и всесильного, и покланяемого Твоего Духа, и причащение святаго Тела и честныя Крове Христа Твоего: сохрани его в Твоем освящении, утверди в православной вере, избави от лукаваго, и всех начинаний его, и спасительным Твоим страхом в чистоте и правде душу его соблюди; да во всяком деле и слове благоугождай Тебе, сын и наследник будет Небеснаго Твоего Царствия. Яко ты еси Бог наш, Бог еже миловати и спасати; и Тебе славу возсылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков»¹¹.

Затем в качестве моей первой телесной жертвы Христу, в знак моего служения, священник крестообразно срезал с моей головы несколько волосков.

Врач так и не пришел. Таинство было совершено в мире и полном согласии со святой традицией. Наконец-то я крещен! Теперь я полноправный член Церкви. Я обновился. Мое сердце изменилось в святом крещении и миропомазании, я чувствовал, как оно преобразилось. Сейчас, несколько лет спустя, я по-прежнему дивлюсь этой перемене. Никто этого не знает, кроме тех, кто сам испытал. Как это произошло? Как такое возможно? Один Бог ведает. Дух действует неисповедимыми путями. Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше. Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа (Ин. 3:5–8). Я чувствовал перемену в моем сердце, но не понимал, как она произошла.

Я вспомнил свои страдания
и вот я смотрю в свое сердце

¹⁰ Требник, Последование святаго крещения.

¹¹ Требник, Последование святаго миропомазания.

там не осталось боли
Я вспомнил обиды
что причинили мне недруги
и вот я смотрю в свое сердце
там не осталось обиды
Я припомнил людей
к которым питал ненависть
и вот я смотрю в свое сердце
ненависти в нем не осталось
Я вспомнил красивых женщин
и вот я смотрю в свое сердце
в нем не осталось похоти
Сердце мое запечатано
даром Духа Святого
и вот я смотрю в свое сердце
в нем не осталось злого

Дух осложняет жизнь чадам этого мира. Нет Духа, нет головной боли. Христианство становится безвредным, а жизнь упрощается, если мы отделяем Духа от Церкви и от нашей жизни. Однако тем самым мы теряем утешение в грядущем мире. Этот мир преходящ. Его утешения лживы и пусты в сравнении с утешениями века будущего. Через наше членство в Церкви Святой Дух, Утешитель, дарует нам утешение в грядущем мире. Именно энергия Святого Духа оживляет Церковь и делает ее Телом Христовым. Без нетварной энергии Бога нет никому спасения и очищения. Без животворящего дыхания Духа мы абсолютно мертвы. Однако Святого Духа нельзя отделить от Его сути, и мы познаем Его именно по Его святому преизобилию. Святой Дух Божий не слаб и не инертен. Бездеятельный дух – не есть Дух Божий. Церковь без Святого Духа мертва, а мертвая церковь не может быть Церковью Божьей, потому что Церковь Божия не умрет (Мф. 16:18).

Благодатью Духа Святого несколько дней после крещения сердце мое пребывало в полном покое. Ничто не могло меня взволновать. Я стал, как скала. Господь восстановил во мне Свой чистый образ, ибо никто к ветхой одежде не приставляет заплат из небеленой ткани: иначе вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже. Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие: иначе молодое вино прорвет мехи, и вино вытечет, и мехи пропадут; но вино молодое надобно вливать в мехи новые (Мк. 2:21–23).

Я боле не раб греха
Я преобразился
Моя падшая природа вернулась к исходной форме
каким вначале сотворил меня Господь.

Эпилог

Если любовь к Богу будет тебе отцом
И любовь к Богу будет тебе матерью
И любовь к Богу будет тебе братом
И любовь к Богу будет тебе сестрою
И любовь к Богу будет тебе сыном
И любовь к Богу будет тебе дочерью
То ни отец, ни мать
Ни сестра, ни брат
Ни сын, ни дочь
Тебе не помеха
Если любовь к Богу будет тебе деньгами

И любовь к Богу будет тебе домом
И любовь к Богу будет тебе хлебом
И любовь к Богу будет тебе водою
То ни деньги, ни дом
Ни хлеб, ни вода
Тебе не помеха
Если любовь к Богу будет тебе покоем
И любовь к Богу будет тебе страстью
И любовь к Богу будет тебе гневом
И любовь к Богу будет тебе прощением
И любовь к Богу будет тебе весельем
И любовь к Богу будет тебе скорбью
И любовь к Богу будет тебе плачем
И любовь к Богу будет тебе смехом
И любовь к Богу будет тебе яростью
И любовь к Богу будет тебе миром
И любовь к Богу будет тебе спокойствием
И любовь к Богу будет тебе тревогой
И любовь к Богу будет тебе болью
И любовь к Богу будет тебе счастьем
И любовь к Богу будет тебе исступлением
И любовь к Богу будет тебе терпением
И любовь к Богу будет тебе жизнью
И любовь к Богу будет тебе смертью
То ни покой, ни страсть
Ни гнев, ни стеснение
Ни плач, ни смех
Ни веселье, ни скорбь
Ни ярость, ни мир
Ни спокойствие, ни тревога
Ни боль, ни счастье
Ни жизнь, ни смерть
Тебе не помеха.

Пять лет прошло после моего крещения. Господь учит меня ходить Его путями. Много раз я оступался и до сих пор не тверд на пути. Однако я благодарен Богу за ту бесконечную любовь, которую Он мне явил. Удивительно, сколько усилий Он приложил, чтобы спасти меня. Он оберегает меня от падений; когда же я все-таки падаю по своему несовершенству, Он помогает мне подняться. И вот сейчас я все еще в самом начале пути, который, надеюсь, выведет меня к оправданию в день Суда благодатью Господа Иисуса Христа.

Новый Завет и впрямь строже Ветхого, однако Христос хочет, чтобы мы исполняли его не только собственным трудом, но главным образом Его благодатью. Ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа (Ин. 1:17). Христианство – узкие врата. Воистину, это трудный путь, и немногие им идут (Мф. 7:13–14), однако Христос начертал этот путь для каждого из нас. Если мы упорным трудом докажем свое твердое стремление следовать за Ним, на нас снисходит Его благодать. Она помогает нам идти этим узким, трудным путем к совершенству. Крест тяжел, наши плечи устают, однако Он не требует, чтобы мы несли его в одиночку. Если в молитве и посте мы постоянно стремимся принять и сберечь Его благодать, она поможет нам нести крест. Тогда тяжкий путь станет посильным и даже приятным.

Христианство означает трудную жизнь, но Христос вправе от нас ее требовать, потому что Он не только повелевает, но и поддерживает нас Своей благодатью. Сделай к

Нему шаг, и Он сделает к тебе десять. Сделай один правильный выбор, и Он загладит десять твоих неверных поступков. Соверши одно малое действие в правильном направлении, и Он уведет тебя на мили вперед. Принеси малую жертву, и Он вознаградит тебя стократ. Будь хоть немного благ, и Он умножит твое благо. Раздавай бедным гроши, и Он даст тебе богатство. Жизнь во Христе требует воздержания, и аскеза нужна не только монаху, но и всякому христианину.

Я стою перед иконой Твоей святой
низко склонив голову от стыда
Я не смею взглянуть в праведные очи Твои
ибо тяжкое бремя стыда
несу на усталых плечах
стыда за бесчисленные грехи
что содеял против Тебя
Ты же ловишь мой взгляд
и глаголешь мне гласом любви:
«Друг, не прячь от Меня глаза!
Выпрямись, посмотри Мне в глаза!
В них любовь, а не суд!
Я смотрю в очи Твои –
нет ли в них укора за множество прегрешений моих
И вижу во взгляде Твоем
только любовь
Я стыжусь, что недостоин Твоей изобильной любви
И непрестанно исповедую Тебе грехи
чтобы не утратить Твою любовь
Как если бы Ты с болью и состраданием склоняя главу
говорил:
«Я не помяну тебе былых грехов
Но ныне, будь совершен! Больно Мне видеть, что мой возлюбленный слаб!»
Иисусе, как же Ты добр
Иисусе, как же Ты щедр
Иисусе, как же Ты сострадаешь
Иисусе, как же Ты прощаешь
Иисусе, как же Ты кроток
Иисусе, как же Ты смирен
Иисусе, как же Ты благ
Иисусе, как же Ты милосерд
Иисусе, как же Ты приятен
Иисусе, как же Ты сладок

Мир не ведает, какое это счастье. Мы, люди, не осознаем, как нам повезло. Величайшее счастье, что истинный Господь добр и человеколюбив. Господь любит нас изобильно. Мы не можем измерить Его любовь к нам, ибо она превосходит наше понимание и даже воображение. Господь стремится к нам. Он хочет, чтобы мы познали, как ревностно Он нас любит. Мы в своем неведении отвращаемся от Него, но Он хочет, чтобы мы вернулись к Нему. Мы надрываем Ему сердце своей дерзостью и судим Его за все, что дурно в мире, хуже того, осуждаем Его, но Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных (Мф. 5:45). С самого начала Он хотел, чтобы мы разделили с Ним вечную жизнь. Он хочет, чтобы мы соединились с Ним, чтобы Его благодатью обрели вечную жизнь, любовь, славу и Царствие, чтобы имели в себе радость совершенную (Ин. 17:13).

Я был грешником сколько себя помню. Мне не надо об этом слышать или читать, это факт, который я знаю из собственного сердца – в нем до сих пор живет память о

множестве моих дурных поступков. И все же Господь терпеливо меня ждал, тайно и кротко работая мне во благо. Всем, даже осознанием греховности я обязан Богу. Лучи Божьего света просияли во мне и явили мне мою греховность.

Воистину счастлив тот, кто ощутил свою греховность, ибо Дух Божий уже начал свершать в нем Свой труд. Личное осознание греховности – первый и, возможно, самый большой шаг к спасению. Оно порождает в нас истину, если мы оплачем свою греховность и поймем, что нуждаемся в Божьей милости. Осознание собственной греховности порождает в нас тягу к Богу, ибо Он – источник чистоты. Оно пробуждает в нас благодатный страх Божий, когда мы поймем, что лишь Он, источник света, может вывести нас из смертной тьмы и отчаяния. Оно смиряет нас и делает щедрым к другим, когда мы осознаем, что дурны сами и должны быть милосердны к тем, кто творит зло. Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся (Мф. 5:3–7).

Я болел сердцем, так болел, что ненавидел себя. Однако Чистый пришел и возлег со мной (Мф. 9:10). Если вы спросите, почему, то ответ будет: Не здоровые имеют нужду во врачах, но больные (Мф. 9:12). То, что Бог содеял для моего спасения, не означает, что я – необыкновенный. Необычайны Сам Бог и Его любовь к человечеству. Он любит нас всех как Своих детей, но при этом уважает нашу волю и ждет, когда мы дадим ему право быть нашим отцом. И тогда он возвышает нас, делая Своими избранными детьми. Он ходит среди нас, надеясь отыскать в наших сердцах хотя бы маленькую щелочку, через которую Он сможет войти и засиять в нас, чтобы мы ясно увидели свое падшее состояние. Тогда мы захотим вернуться к нашей изначальной чистоте, достижимой только через Его благодать.

Вот, я сказал при свете, что Господь сказал мне в темноте. Я возвестил с кровель то, что Господь прошептал мне на ухо. Мне было трудно раскрыть свою душу, ибо опыт общения с Богом – мое тайное сокровище. И все же я это сделал, потому что верю: так угодно Богу, который наделяет нас сокровищем и велит делиться им с другими в духе любви и братства, ибо даром получили, даром давайте. Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитания (Мф. 10:8–10).

Услышит тебя Господь в день печали, да защитит тебя имя Бога Иаковлева! Да пошлет Он тебе помощь от святилища..! ... Да сотворит тебе Господь по сердцу твоему и всяк замысел твой да исполнит! Возрадуемся мы о спасении твоём, возвеличит нас имя Господа Бога нашего. Да исполнит Господь все прошения твои. (Пс. 19:2–6).

Пер. с английского Е. Доброхотовой-Майковой

Печатается по изданию: Хризостом Селахварзи. Мы будем утешены. Исход от ислама к Православию. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2005.